А.В. Паншин

ИСТОРИЯ ГОРОДА ЕКАТЕРИНОСЛАВА

Книга первая

Монастырское урочище

С&К

Андрей Паншин

История города Екатеринослава. Книга первая. Монастырское урочище

«Издание книг ком»

2016

УДК 94(477)(09)
ББК 63.3(2)+63.3(2УКР)

Паншин А. В.

История города Екатеринослава. Книга первая. Монастырское урочище / А. В. Паншин — «Издание книг ком», 2016

ISBN 978-5-91775-286-0

О том, почему и как возник город, получивший имя Екатерины Великой, какую роль в его создании сыграли не только Светлейший князь Потёмкин и императрица Екатерина, но и Великий Князь Иоанн III Васильевич, Царь Иоанн IV (Грозный), другие большие и малые правители Руси, пишет Андрей Паншин.Книга первая из трилогии «История города Екатеринослава» содержит большое количество фактических материалов из исторических документов, древних архивов, ссылок на старинные первоисточники. И ещё эта книга о лжи и подлости, о настоящей доблести и об истинных героях.

УДК 94(477)(09)
ББК 63.3(2)+63.3(2УКР)

ISBN 978-5-91775-286-0

© Паншин А. В., 2016
© Издание книг ком, 2016

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 15
Глава 3 24
Глава 4 33
Глава 5 44
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Андрей Паншин
История города Екатеринослава. Книга первая. Монастырское урочище

© Паншин А. В., 2016
© ООО «ИСК», 2016

Глава 1
Европейская Сарматия

Мы – те, о ком шептали в старину,
С невольной дрожью, эллинские мифы:
Народ, взлюбивший буйство и войну,
Сыны Геракла и Эхидны, – скифы.

Вкруг моря Чёрного, в пустых степях,
Как демоны, мы облетали быстро,
Являясь вдруг, чтоб сеять всюду страх:
К верховьям Тигра иль к низинам Истра.

Валерий Брюсов

Записки XV–XVI веков, сделанные европейскими путешественниками: послами, купцами, военными офицерами, особенно те, где было дано описание земель, лежавших к востоку, вызывали у современников огромный интерес. Необъятные и загадочные территории от реки Вислы до Днепра, Дона, за Волгу до Каспийского моря, до Урала, принято было именовать Сарматией. Но имя это было родом из других столетий.

В средневековой Европе исследователи новых земель не одну сотню лет сверяли свои географические открытия с информацией античных и древнеримских историков. «Отец истории» Геродот, знаменитый Страбон в своей «Географии», Дионисий Галикарнасский, Плиний Старший, Иордан, кто только не описывал эти легендарные степные просторы. Древние авторы населяли нашу землю то скифами, то сарматами, то считали эти имена синонимами. Гиппократ в своём сочинении «О воздухе, водах и местностях» писал: *«В Европе есть скифский народ, живущий вокруг озера Меотиды и отличающийся от других народов. Название его – Савроматы. Их женщины ездят верхом, стреляют из луков и мечут дротики, сидя на конях, и сражаются с врагами, пока оне в девушках; а замуж оне не выходят, пока не убьют трёх неприятелей…»*.[1] Стефан Византийский в «Описании племён» сообщал: *«Сарматы – скифское племя; страна их – Сарматия. Савроматы – скифское племя… Сирматы – то же, что Савроматы, как говорит Едокс в 1-ой книге: «вблизи Танаида живут Сирматы»*.[2]

Во II веке нашей эры географ и астроном Клавдий Птолемей в своём «Географическом руководстве» разделил Сарматию на две части – Европейскую и Азиатскую, и это деление позже использовалось европейскими историками. Одним из них был профессор и ректор Краковского университета Матвей Меховский, издавший в 1517 году известный труд «Трактат о двух Сарматиях».

«Древние различали две Сарматии, соседние и смежные друг с другом, одну – в Европе, другую – в Азии. В Европейской есть области: руссов или рутенов, литовцев, москов и другие, прилегающие к ним, между рекой Вислой на западе и Танаисом на востоке», – сообщал в трактате краковский профессор.[3] По убеждению польского академиста основную часть Европейской Сарматии занимали две области – Руссия и Московия.

---

[1] Латышев. Стр. 59.

[2] Латышев. Стр. 265–266.

[3] Меховский. Стр. 47.

События XV–XVI веков, конечно, описывал не только Матвей Меховский. Существует немалое количество «Записок о Московии», сделанных европейскими дипломатами, священнослужителями, купцами, иностранцами на московской военной службе. Одно из таких сочинений написано в первой половине XVI века Павлом Иовием Новокомским, епископом Ноцерским, со слов Дмитрия Герасимова, посла великого князя Василия III Иоанновича к папе Клименту VII. Записки эти, сделанные много веков назад, любопытны и интересны для чтения даже сейчас:

«ЮАННУ РУФУ,

Архиепископу Консентийскому

Ваше Высокопреосвященство!

Вы изъявили желание иметь на Латинском языке описание нравов Московитян, заимствованное мною из ежедневных бесед с Димитрием, прибывшим недавно к Папе Клименту VII-му в качестве Московскаго посла… Да послужит рвение мое знаком глубочайшаго моего к Вам уважения и всегдашней готовности исполнять волю Вашу…
Павел Иовий Новокомский».

С большим усердием, как и подобает святому отцу, епископ Павел Иовий наносил на бумагу каллиграфические латинские строки о загадочной земле «Сарматия», о Литве, о других соседях Московии: *«К Северо-западу от Московии лежит Литва; с Запада же Пруссия и Ливония средними частями входят в самые пределы Московии в том месте, где Сарматское море, проходя сквозь тесный пролив Кимврийскаго Херсониса, склоняется лунообразным заливом к Северу»*.[4]

Как видим, северо-западную границу Московии уже тогда европейцы определяли проходящей где-то по полуострову Ютландия, разделяющего Балтийское и Северное моря. Само же Балтийское море Павел Иовий называет Сарматским, как принято в Европе того времени. Но в ходу было, прежде всего в землях славян, ещё одно название моря – «Варяжское». О северо-западной границе Московии, о Великом Княжестве Литовском писал и краковский профессор:

«Великое княжество Литовское – весьма обширная область. В ней много князей литовских и русских, но один глава и монарх, которому подчинены все прочие. Он именуется вообще великим князем Литовским. Старинные историки, рассказывая о древности, говорят, что некие италийцы, оставив Италию из-за несогласия с римлянами, пришли в землю Литовскую и дали ей имя родины – Италия, а людям – название италы; у позднейших земля стала называться с приставкой буквы л в начале – Литалия, а народ литалы.

Русские же и поляки, их соседи, ещё более изменяя эти имена, вплоть до сего дня называют страну Литвой (Lithuaniam), а народ литовцами (Lithuanos)».[5] Не все современники Меховского, видимо, были согласны с такой трактовкой истории Литвы, поскольку краковский профессор даёт гневный отпор предполагаемым оппонентам:

«Некоторые невежественные в истории люди вздумали производить название Литвы от lituo, то есть рога или охотничьей трубы, потому будто бы, что в той области много

[4] Иовий. Стр. 27.

[5] Меховский. Стр. 98.

охотятся, но это скорее создает внешнее впечатление, чем говорит об историческом происхождении».[6]

Процесс крещения языческой Литвы польским королём Владиславом, описанный Матвеем Меховским, был очень красочен:

«Литовцы искони почитали как божества огонь, лес, ужей, змей, особенно огонь, который непрерывно поддерживался подкладывавшим дрова жрецом, на их языке называвшимся зинц (zincz). Леса и рощи они считали священным обиталищем богов, а ужей и змей в иных домах кормили и чтили, как домашних богов.

Так вот король Владислав велел на глазах у варваров в городе Вильне погасить огонь, почитавшийся священным, разрушить храм и алтарь, где приносились жертвы; леса – срубить, а змей – умертвить. Хотя варвары и оплакивали истребление своих ложных богов, но не осмеливались даже роптать против короля…

…Кроме того, король Владислав основал в Вильне кафедральную церковь имени св. Станислава, патрона Польши, а главный алтарь её поставил на том месте, где прежде горел огонь, ложно считавшийся вечным, чтобы языческое заблуждение стало всем очевидным».[7] Король неплохо подготовился к процедуре обращения варваров, если всем новокрещённым: *«Жаловал новую шерстяную одежду, привезенную из Польши, и вследствие этой дальновидной щедрости, когда молва о ней распространилась, грубый и оборванный народ, довольствовавшийся до тех пор холстом, стал толпами стекаться со всей области, чтобы, крестившись, получить шерстяное платье».*

Для полноты картины стоит сообщить: прежде чем крестить язычников, королю Владиславу пришлось убить в тюрьме своего дядю, литовского князя Кейстута, а его сына, своего двоюродного брата Витольда (в русском произношении Витовта), «*заключить в оковы».* Случившаяся драма достойна пера Шекспира, но дело на этом не закончилось. Побывав в оковах, молодой княжич Витовт предпочёл стать конформистом, принял из рук убийцы своего отца княжескую корону и энергично включился в строительство союзного Польско-Литовского государства:

«Король Владислав поручил великое княжество Литовское и Самагиттское двоюродному брату своему, Александру Витольду, и тот, человек энергичный и смелый в бою, присоединил к Литве княжество – Псков, называемое Плесковией, а затем – другое княжество Новгородское, называемое Нугардией. Он подчинил своей власти и третье княжество – Смоленское.

Установив мир кругом, он проник на восток, напал на татарскую орду, пригнал в Литву массу татар и расселил там в определенной местности, где они остались и до сего дня».[8] Установил «мир кругом» огнём и мечом, сказано откровенно и достаточно цинично. Однако не стоит осуждать профессора из Кракова за пропаганду насилия, – так обстояли дела в те времена, таковы были нравы, и Матвей Меховский описал лишь то, что было. Князь Витовт, несмотря на моральную сторону дела, видимо, был действительно талантливым руководителем и военачальником.

Севернее, на три месяца пути до самого Скифского Океана, писал Павел Иовий Новокомский, обитают бесчисленные племена и народности, подвластные московскому князю. На самом берегу Океана, вблизи Норвегии и Швеции, в небольших пещерах, наполненных сухими листьями, в дуплах толстых деревьев или старых пней живут Лапландцы: *«…Народ чрезвычайно дикий, подозрительный и до такой степени боязливый, что один след иноземца или*

[6] Меховский. Стр. 98–99.

[7] Меховский. Стр. 100–101.

[8] Меховский. Стр. 103.

даже один вид корабля обращает их в бегство. Лапландцы не знают ни произрастений, ни плодов и вообще никаких даров природы. Стрельба из лука доставляет им всю пищу их, а звериныя кожи – всю их одежду».[9] Ни московский посол Дмитрий Герасимов, ни Павел Иовий записывавший его рассказы, ни сам его святейшество Климент VII, читавший эти записи, не сомневался – эта народность является самыми настоящими дикарями:

«Лапландцы очень малы ростом, имеют бледныя и как бы разбитыя лица, но зато одарены величайшею быстротою ног. О свойствах сего народа даже ближайшие его соседи, Московитяне, ничего не знают; ибо, по словам их, напасть на Лапландцев с небольшим отрядом было бы безразсудно и гибельно; итти же с большею ратию противу племени беднаго – и безполезно, и безславно.

Лапландцы променивают Московитянам на разные товары белые меха, известные у нас под именем горностаев; причем не только не ведут разговора с купцами, но даже избегают ихвзоров. По обоюдном сличении продаваемых товаров, они оставляют на месте меха свои, и таким образом заочно между неизвестными друг другу людьми производится самая искреняя и справедливая мена».[10] При внимательном прочтении старинных ватиканских бумаг «чрезвычайно дикие» и крайне боязливые лапландцы оказываются умелыми воинами, – если напасть на них *«с небольшим отрядом было бы безрассудно и гибельно».* И не только воинами, а ещё и искренними людьми, справедливыми торговцами, добрыми соседями. *«К С.С.З*[11]*. от Лапландцев, в стране вечнаго мрака, по свидетельству некоторых достоверных лиц, живут Пигмеи, которые в полном возрасте своем едва превышают нашего десятилетняго ребенка; они боязливы, щебечут, как птицы, и по строению тела, равно как и по свойствам своим, более похожи на обезьян, нежели на обыкновенных людей».*[12]

Российский литератор, историограф и переводчик Василий Николаевич Семёнов в примечаниях к своему же переводу «Описания Московии» Павла Иовия писал: *«Об этом баснословном народе упоминает ещё Гомер, говоря, что ему угрожали гибелью журавли. По свидетельству Плиния, города и домы их выстроены были из яичной скорлупы, а Филострат рассказывает, что они хлеб свой с полей срубливали топорами. Огромная рать Пигмеев, по уверению того же писателя, напала на Геркулеса после битвы его с Антеем и стала осаждать спящаго Героя, как бы некий укрепленный город. Геркулес проснулся, разсмеялся над усилиями маленьких врагов своих и, завернув всех их в львиную свою кожу, отнес к Эвристею».*[13] Вот такое повествование, где реальность часто перемешана с вымыслом, но это для нас, людей XXI столетия, с нашим критическим восприятием окружающего мира, а для них, для современников рассказчика, это и была самая настоящая реальность.

Достойные доверия, леденящие душу известия о северных землях сообщал и Матвей Меховский: *«Не могу, однако, обойти молчанием кое-чего, что по правде можно сказать об этих областях. Знай, что в тех областях весьма часты покушения злых духов…*

…В странах, расположенных у Северного океана, слышатся крики, пугающие проходящих путешественников, особенно к заходу солнца и на закате, а больше около рощ, лесов и озер, среди холмов и в лесах. В христианских странах, Норвегии, Швеции и Финляндии, люди защищаются, делая перед собой крестное знамение, и тут голоса демонов удаляются; при втором крестном знамении крики становятся ещё отдаленнее и тише, а при третьем и четвертом – голоса и крики слышатся уже совсем вдали и, постепенно слабея, прекращаются.

---

[9] Иовий. Стр. 28.

[10] Иовий. Стр. 27–29.

[11] Северо-северо запад, норд-норд вест.

[12] Иовий. Стр. 29.

[13] Иовий. Примечания. Стр. 84.

Затем в вышеназванных странах, когда должны прибыть посетители в гостиницу или какую-нибудь таверну, то в течение всей предшествующей ночи в доме слышатся сотрясения, шум, приготовления, передвижение сосудов в кладовых и в комнатах. Люди в таких домах, вследствие привычки, мало обращают внимания на эти шумы и перестановки. Сверх того, духи и демонские призраки сбрасывают спящих со скамей, иных вытаскивают и выносят из дома, особенно пьяных и предающихся плоти».[14]

То, что нечистая сила сбрасывала со скамей спящих пьяных или «предающихся плоти», а иногда даже выносила их из дома, конечно, нехорошо, но, как водится, у любого горя есть и оборотная сторона. Местные жители, по сообщению краковского профессора, бессовестно пользовались услугами потустороннего мира: *«Далее, у воды, при отправлении в плавание, местные жители, по внушению духов, особенно корчмари и мельники, продают за плату [попутный] ветер и спокойное плавание на три, четыре или шесть дней, чтобы в это время, пока не кончатся купленные дни, плавание было спокойным. Хотя это и правда, но заметь, (на основании опыта), что жители севера, приходя в наши страны, не желают рассказывать о постоянно там бывающем. Они считают позором и бесчестием происходить оттуда. Трудно, однако, отрицать то, что создано природой и нельзя противиться мировому порядку»*.[15] Дополнял известия Матвея Меховского и Павла Иовия о северных странах венецианский посол Марко Фоскарино в своём «Донесении о Московии». Он обстоятельно описывал неких людей-рыб и даже утверждал, что видел их сам: *«У океана, как рассказывают, живет какой-то народ, который большую часть [времени] проводит в воде и питается исключительно сырою рыбой. Эти люди, подобно рыбам, покрыты чешуею и вместо [членораздельной] речи издают какой-то свист. Одного из них я сам видел в Нормандии, как, [впрочем], видели и многие другие; поэтому я и могу утверждать, что он похож на чудовище; таким я вам и описываю его»*.[16]

Но особенно интересным мне кажется рассказ этого венецианского посла о неких Сетрипонах, людях покрытых шерстью и больше похожих на зверей:

«Есть там также Сетрипоны (Setriponi), народ зверский и свирепый. Они совсем лишены способности членораздельной речи и цивилизации и едят в сыром виде пойманных ими людей. Они живут среди неприступных гор и дремучих лесов, куда они скрываются, когда на них нападают. Одеваются они в шкуры медведей и других зверей. У них свирепое лицо, распущенные волосы, пронзительный и невнятный голос. Увидев что-нибудь необыкновенное, они страшно мычат. Я видел одного из них, [пойманного] живым и привезенного в Норвегию; он всех удивил и поразил. Кажется, он был молод: лет двадцати, ростом 20 футов, весь в волосах, большие и красные глаза. Он наводил страх и ужас на тех, кто на него пристально смотрел. В конце концов, в нём было больше звериного, чем человеческого».[17]

Искатели неведомого, обратите внимание на записки Фоскарино. Оказывается, ещё в XVI веке в наших северных лесах встречались дикие лесные люди с красными глазами. Кстати, сообщения о людях, покрытых шерстью и живущих, как дикие звери, в старинной литературе не единичны. О таких обитателях земли Ибисибур (Сибирь) упоминал некий баварец по фамилии Шилдбергер, попавший в Орду в 1395 году и проживший там 32 года. В своих записках «О золотой Орде» он сообщал: *«В земле Ибисибур есть кряж гор длиною в 32 дни пути. Тамошние жители уверяют, что за сими горами начинается пустыня, в которой жить нельзя по причине множества змей и диких зверей, и сия пустыня будто простирается до конца земли.*

[14] Меховский. Стр. 121–122.

[15] Меховский. Стр. 122.

[16] Фоскарино. Стр. 20.

[17] Фоскарино. Стр. 20.

Здесь водятся дикие люди, кои не живут с другими людьми, и все тело у них мохнатое, кроме лица и рук; они, подобно другим диким зверям, бегают по горам, едят древесный лист, траву и все, что попадется. Царь етойземли прислал Едигию дикаго мужчину и дикую женщину, пойманных в горах, дикую лошадь, которая была не более осла, и много других диких зверей».[18]

Однако вернемся к Павлу Иовию:

«Лучшие собольи меха с проседью доставляются из Перми и Печеры и употребляются для Царской одежды и для украшения нежных плеч знатных боярынь, которыя умеют придать сему наряду вид живых соболей. Впрочем эти народы не сами добывают их, а получают от других отдаленнейших племен, живущих близ Океана. Еще в минувшем веке Пермь и Печера были язычниками и приносили жертвы идолам; ныне же исповедуют Христианскую веру.

В страну Югров и Вуголичей лежит путь чрез непроходимыя горы, вероятно, те самыя, которыя в древности именовались Гиперборейскими. На вершинах их ловят превосходных соколов, между коими особенно замечателен род белых соколов с пестрыми перьями, известный под названием Herodium. Там же водятся иерофалки, неприятели цаплей и разныя породы священных перелетных соколов, неизвестныя даже самым роскошнейшим Государям древности, занимавшимся птицеловством».[19]

Чтобы продолжить наше исследование, откроем ещё одну широко известную книгу «Записки о Московских делах» барона Сигизмунда Герберштейна, посланника императора Фердинанда к великому князю московскому Василию III Иоанновичу в 1517 году. Интерес к загадочной северной стране у читающей Европы был настолько велик, что этот труд издавался большими тиражами в 1550, 1551, 1556, 1557, 1563 годах на немецком, латинском, итальянском языках. Даже сейчас исследователи называют эти записки «историко-географическим бестселлером второй половины XVI века».

Герберштейн сообщал, что к северо-востоку от Московии лежит «Пояс Мира». За этими горами, которые античные авторы называли также «рифейскими» или «гиперборейскими», у устья реки Оби стоит Золотая Баба: *«Разсказывают или, выражаясь вернее, баснословят, что этот идол "Золотая старуха" есть статуя в виде некоей старухи, которая держит в утробе сына, и будтотам уже опять виден ещё ребенок, про котораго говорят, что он ея внук. Кроме того, будто бы она там поставила некие инструменты, которые издают постоянный звук наподобие труб»*.[20]

В горах, за рекою Обь, выше устья Иртыша, писал Герберштейн, лежит страна «Лукоморье»: *«С людьми же Лукоморья, как говорят, случается нечто удивительное, невероятное и весьма похожее на басню; именно, говорят, будто каждый год, и при том в определенный день – XXVII Ноября, который у Русских посвящен Св. Георгию, они умирают, а на следующую весну, чаще всего к XXIIII Апреля, наподобие лягушек, оживают снова»*.[21] Через страну «Лукоморию» протекает река Кассима и впадает в большую реку Тахнин, *«за которой, как говорят, живут люди чудовищной формы; у одних из них, наподобие зверей, все тело обросло шерстью, другие имеют собачьи головы, третьи совершенно лишены шеи и вместо головы имеют грудь.*

В реке Тахнин водится также некая рыба с головой, глазами, носом, ртом, руками, ногами и другими частями совершенно человеческаго вида, но без всякаго голоса; она, как и другия рыбы, представляет собою приятную пищу».

---

[18] Записки и труды общества истории и древностей Российских. Ч. 2. 1824. Стр. 211–212.

[19] Иовий. Стр. 29–31.

[20] Герберштейн. Стр. 131.

[21] Герберштейн. Стр. 130.

Сигизмунд Герберштейн, получивший образование в Венском университете, одном из лучших университетов Европы того времени, не скрывал своего скептического отношения к этим фантастическим сведениям и указал, что они взяты из некоего «Русского дорожника», доставленного ему для перевода.

Южные степи Сарматии, Причерноморье были знакомы европейцам лучше, чем северные края. В низовьях Танаиса – Дона, ещё в XV столетии шумел ярмарками город венецианских купцов – Тана (будущий Азов). От Каспия, от низовий Волги к Дону неторопливо двигались торговые караваны с восточными товарами для европейских стран. В портовых городах крымского побережья грузились и разгружались суда южно-итальянских торговых республик. Именно записки венецианцев и генуэзцев донесли до нас любопытные сведения о южнорусских степях. Одним из авторов таких записок был венецианский дворянин Иосафат Барбаро, оставивший потомкам своё сочинение «Путешествие в Тану»: *«В 1436 году предпринял я путешествие свое в Тану, на которое посвятил шестнадцать лет моей жизни, обозревая в течение этого времени все земли, к ней прилежащия.*

Татарская степь граничит с Востока рекою Эрдилем, иначе называемым Волгою, с Запада Польшею, с Севера Россиею, а с Южной стороны, обращенной к большему морю, Аланиею, Куманиею и Хазариею».[22]

О хазарах и куманах (половцах) в исторической литературе упоминается достаточно часто. Каменные половецкие изваяния, известные нам под именем «скифских баб», ещё в конце XIX столетия возвышались над многими степными курганами днепровского левобережья, вдоль рек Орель и Самара – исконных половецких мест. История Хазарии, тюркского государства с иудейской верхушкой, где господствующей религией был иудаизм, тесно переплетена с историей древней Руси. Эти непростые отношения даже вошли в русский фольклор.

А вот при имени Аланы-Асы вспоминаются жители кавказских гор, хотя страна Алания, занимавшая в древности большие территории, имела достаточно богатую и яркую историю. Именно с именем аланов средневековые европейские путешественники и историки чаще всего связывали земли южной Сарматии. Известный нам польский профессор Матвей Меховский писал в своём трактате:

«Аланы – это народ, живший в Алании, области Сарматии Европейской, у реки Танаиса и по соседству с ней. Страна их – равнина, без гор с небольшими возвышенностями и холмами. В ней нет поселенцев и жителей, так как они были выгнаны и рассеяны по чужим областям при нашествии врагов, а там погибли или были истреблены».[23] Наш венецианец Иосафат Барбаро, путешествуя в Тану, ехал как раз по аланским степям:

«…Начну путешествие свое с описания Чернаго моря и твердой земли, к нему прилежащей, до реки, именуемой Элис, отстоящей от Кафы на сорок миль. Переправившись чрез сию реку, достиг я Монкастро, где течет знаменитая река Дунай, а оттуда уже пустился в дальнейший путь свой, котораго не считаю нужным описывать, ибо эти места довольно всем известны.

Алания заимствовала имя свое от народа Аланскаго, называвшаго себя на своем языке Ас. Народ сей, исповедовавший Христианскую веру, был истреблен и выгнан из жилищ своих Татарами. Страна их покрыта горами, реками и долинами и в ней встречается весьма много искусственных земляных насыпей, – без сомнения надгробных памятников.

---

[22] Барбаро. Стр. 6.

[23] Меховский. Стр. 72.

На вершине каждой из таковых насыпей положен огромный, насквозь просверленный камень, в отверстие коего вставлен крест, также сделанный из камня. Этого рода курганов, как я уже сказал, – здесь безчисленное множество».[24]

Английский астроном Ньютон снискал мировую славу как выдающийся ученый, но он занимался ещё и историей, в частности, изучал процессы распада великого государства древности – Римской империи. Ньютон уделил немало внимания нашествию орд варваров на провинции римского государства и так описывал один из набегов:

«…Зимою, между 395 и 396 годами, огромное войско из Гуннов, Аланов, Остроготов, Гепидов и других северных народов по приглашению Руфина перешло Дунай по льду… По Иерониму, в этой несметной толпе были волжские Гунны, Аланы, Вандалы, Готы, донские Сарматы, Чехи Полесяне или Квады, Моравы или Маркоманны. Они наводнили все пространство между Константинополем и Юлиевыми Альпами, опустошали Скифию, Фракию, Македонию, Дарданию, Дакию, Фессалию, Ахаию, Эпир, Далмацию и всю Паннонию… Следствием описанных нами войн было взятие Готами Рима и распадение западной римской империи на десять следующих царств:

1. *Царство Вандалов, в Испании и Африке.*
2. *Царство Свевов, в Испании.*
3. *Царство Визиготов.*
4. *Царство Аланов, в Галлии.*
5. *Царство Бургундионов.*
6. *Царство Франков.*
7. *Царство Бритов.*
8. *Царство Гуннов.*
9. *Царство Лонгобардов.*
10. *Царство Равеннское»*.[25]

О причерноморском царстве Аланов, о волнах переселения этого народа писали и другие европейские исследователи. Часть сарматско-аланских племен, называемых Роксоланы, некоторые русские историки XVIII–XIX столетий отождествляли с Русью, объявляя их славянами. Но серьёзные исследователи считали по-другому.

Так, крупнейший специалист по славяноведению XIX столетия, выдающийся деятель чешского и словацкого национального возрождения Павел Йозеф Шафарик писал в труде всей своей жизни, фундаментальном сочинении «Славянские древности» (1837 г.):

«…Вероятно, язык Сарматский был Мидо-Персидский, точно, как нынешних Алан. В этом уверяют нас те немногия Сарматския имена, которыя находим мы в Греческих и в Латинских сочинениях, на камнях и Азиятских летописях…».[26]

Кроме Алан, Хазар, Половцев, Гуннов в южных черноморско-азовских степях оставили свой след и германские племена – Готы. Это о них написал Матвей Меховский:

«Готты, изгнанные из Скифии, частью остановились на Таврическом острове, близ него и близ моря Понтийского, частью же с царем своим Рагазом, числом более чем в двести тысяч, вторглись в Италию, и в то время как Рим дрожал в страхе перед этой силой, масса их погибла от голода на суровом хребте Фезуланских гор…

Готты же, осевшие у Таврики и Понта, разделились на две части, и те из них, что под предводительством Алариха ушли на запад в Италию и Галлию, стали называться вис-

---

[24] Барбаро. Стр. 6

[25] Знаменитый астроном Ньютон, как историк разрушения Римской Империи. Сын Отечества. Кн. 2. Февраль. С.-Петербург. 1849. Стр. 12.

[26] П. И. Шафарик. Славянские древности. Москва. 1837. Т. 1. Кн. 1. Стр. 319.

сиготты, то есть западные готты; те же, что с князем Фригидерном остались на месте у Понтийского моря, получили наименование остраготты, то есть восточные готты».[27] К тому времени, когда Иосафат Барбаро ехал по аланским степям в город Тану, в Крыму всё ещё жили представители этого германского племени. Готтские князья правили в горном княжестве Манкуп, расположенном недалеко от нынешнего Бахчисарая.

[27] Меховский. Стр. 70.

Глава 2
Две Руси

На твоих рубежах полыхают пожары.
Каждый год – словно храм, уцелевший в огне.
Каждый год – как межа между новым и старым.
Каждый год – как ребенок, спешащий ко мне.

М. Анчаров

Как мы с вами знаем, по мнению Матвея Меховского, центральную часть Европейской Сарматии занимала Руссия, которая с северо-востока граничила с Московией.

«…У Сарматских гор живет народ русский (Rutenorum), во главе которого стоят знатные люди из поляков – в Коломые, Жыдачуве, Снятине, Роатине, в Буско и пр. У этих же гор находятся округа – Галицийский, некогда называвшийся Галлицией (Gallicia), и Премысльский, а среди гор Сарматских – округ Саноцкий. По направлению к центру Руссии лежит Львовская (Leopoliensis) земля, а в ней хорошо укрепленный город того же имени с двумя замками – верхним и нижним. Это – столица Руссии. К северу идут округа Холмский, Луцкий и Бельзенский. [Львовская же] земля в центре.

Ограничена Руссия с юга Сарматскими горами и рекой Тирасом, которую жители называют Днестром; с востока – Танаисом, Меотидами и Таврическим островом; с севера – Литвой, с запада – Польшей.

Знаменитая река Борисфен, называемая жителями Днепром (Dinepr), течет из Московии, проходит через Литву и Руссию под Смоленск и Киев. В нее впадает начинающая у города Хмельника на западе река Буг. Пройдя около трёхсот германских миль, Борисфен впадает в Понтийское море».[28]

О том, что Русь и Московия долгое время существовали как отдельные друг от друга территории, сообщал не только польский профессор, но и другие европейские писатели. Из путевых записок посла венецианской республики Амвросия Контарини к персидскому шаху Узун-Гасану во время его проезда по территории Польши в 1474 году: *«20-го Марта выехал я из Польши и вступил в Малороссию, подвластную также Польскому Королю. Вплоть до 23 числа ехали мы почти безпрерывно лесом… и наконец прибыли в Луцк… 1-го Мая 1474 въехали мы в город Киев или Магроман, лежащий за пределами Малороссии и управляемый Поляком по имени Паном Мартином, Католическаго исповедания. Услышав от Королевских проводников о прибытии моем, он немедленно повелел отвести мне квартиру, довольно, впрочем, плохую, как и все тамошния жилища…».*[29]

Какая неувязка. Оказывается в середине XV столетия европейцы называли Малороссией, именем, столь нелюбимым галицкими патриотами, не Полтавскую или Черниговскую губернию, как это было позже, в XVIII–XIX веках, а Карпатскую Русь. Да и сам Меховский населял тогда эти земли не украинцами, а русинами, помните: «*у Сарматских гор живет народ русский (Rutenorum)».* Надо уточнить, что название Малороссия для Львовской земли не являлось выдумкой иностранцев или злокозненных московитов. Так с гордостью именовали себя сами львовяне, вернее львовская православная община (что не одно и то же) ещё в XVII столетии.

[28] Меховский. Стр. 95

[29] Контарини. Стр. 20–21.

Михаил Александрович Максимович (1804–1873), первый ректор Киевского университета, разносторонний ученый, занимавший видное место в исследованиях древнерусской истории и истории Украины, в своей работе «Об употреблении названий Россия и Малороссия в Западной Руси» сообщал: *«Минуя другие акты и книги, назову ещё Октоих, изданный – во Львове 1630 года; там сказано в посвящении о братстве – «в граде Леондополи Малыя России». В земле Волынской находим то же»*.[30] Но все-таки эта область, чье население осознавало себя русскими людьми, существовала как отдельная русская земля. В XIX столетии эти факты дали повод группе радикал-интеллигенции разработать теорию о существовавшем некогда государстве Украине-Руси и обвинить Петра I, якобы изменившего название Московии на Россию, в краже имени древнерусского государства. К нынешнему времени измышления о том, что Московия не являлась Русью, а её жители были не славянами, а потомками финно-угров, татар, каких угодно ещё народов, в умах украинских шовинистов давно стали постулатом. Так ли это было на самом деле? Вернемся к запискам европейских путешественников.

Уже упоминавшийся католический епископ Павел Иовий написал в начале XVI столетия: *«В древния времена пространство сие занимали Роксоланы, Геты и Бастарны, откуда, по моему мнению, произошло и самое название России; ибо часть Литвы именуется и поныне Нижнею Россиею, а самая Московия – Белою Россиею»*.[31]

В 1526 году католический священник и доктор богословия Иоганн Фабри, борец против религиозных «новшеств», личный исповедник эрцгерцога Фердинанда Австрийского, опубликовал трактат «Религия московитов». Этот труд вместе с рядом других произведений венского епископа, таких, как «Молот против Лютеровой ереси», от 1524 года преследовал совершенно конкретные цели борьбы с расколом христианства. Тем интереснее узнать, какой виделась Московия начала XVI столетия этому авторитетному защитнику католицизма:

«Прежде же всего считаю за приличное и необходимое упомянуть как о нынешнем, так и о прежнем названии сего народа… Итак, следуя Плинию, я нахожу, что народы, называемые ныне Москвитянами, именовались прежде Роксоланами, коих Птоломей на восьмой карте Европы, и Страбон, изменивши несколько букву, назвали Росоланами, и кои, спустя после того многое время, названы Руссами. И они-то суть те самые народы, кои, как повествует Страбон, мужественно сражались с вождями Митридата Антипатора. Ныне же, с течением времени, ничто столько не изменилось, как названия стран и областей. Ибо царственный град всей страны их назван Москвою, от чего, а по мнению некоторых, как то Волатерма, от реки Москвы, они и сами названы Москвитянами».[32]

Рафаэль Маффей по прозвищу Волатеран (1455–1522), уроженец тосканского города Вольтерра, на которого ссылался Иоганн Фабри в 1506 году сообщал о русинах:

«Роксоланы у Плиния и Птолемея, роксаны у Страбона, ныне же рутены. Некогда они сражались с полководцами Митридата Евпатора под предводительством царя Тасия, как сообщает Страбон. Но сейчас они христиане, однако, греческой веры, язык [у них] полудалматский. Почти так же, как Литва и Польша, близлежащие области, они разделены надвое. Те, которые называются белыми, соседние с Литвой, называются по имени реки Москвы. Царский [град их] – Москва, в нём сидит князь Иоанн, у которого от [жены] Елены, сестры деспота Андрея Палеолога, родилось много детей. Он повелевает всеми, вплоть до Венедского моря…

Другие рутены, называемые красными, расположены восточнее, ближе к Борисфену».[33]

---

[30] Максимович. Собрание сочинений. Т. 2. Стр. 309.

[31] Иовий. Стр. 27.

[32] Фабри. 1826. Стр. 292.

[33] Фабри. 1998. Стр. 17. Прим. 36.

Посол императора Максимилиана I Франческо да Колло, посланный к великому князю московскому Василию III для заключения мира между ним и польско-литовским королём Сигизмундом прожил в Москве около шести месяцев, с июля 1518 по январь 1519 года. В течение всей дипломатической миссии педантичный посланник вёл дневник посольства для предоставления его своему императору. В этих записках, названных «Доношение о Московии» Франческо да Колло сообщал: *«Престол сего великого Господина Василия, императора и Государя всея Руси и великого Князя находится в городе Московии, окружность которого – три с половиной лиги…*

Имеет сей князь под господством и полною властью своею одну и другую Русь целиком, то есть чёрную и белую, кои суть царства громаднейшие. Черная, которая именуется Русью Королевской, почти непрерывно ведёт войну против Южной Ливонии и весьма часто ведёт сражения на замерзшем море. Белая же Русь ведёт войну против Ливонии Северной и весьма часто сражается в северном Ливонском море, иногда же на озере Пейбус (Чудское оз.), замерзающем со стороны сей Белой Руси. И одна, и другая Русь вместе ведут войну против Короля Польского и Великого Герцога Литовского и против Самогитов, Прусов и Курляндцев» .[34] Императорский посол был прав только частично. Черная (или Червонная) Русь большей частью всё ещё была под властью Польши.

В конце XVI столетия французский дворянин по фамилии Маржерет, успевший с юности повоевать под флагами Генриха IV, римского императора, польского короля, а во времена Бориса Годунова поступивший в чине капитана на службу к московскому царю и служивший командиром роты иноземцев, в своих записках о Российской державе сообщал:

«Эти Русские с некоторых пор, после того, как сбросили иго Татар и Христианский мир получил о них некоторое представление, стали называться Московитами, по имени столичного города Москва, обладание которым дает герцогский титул, но не первый в стране. Ибо некогда государь именовался Великим герцогом Владимирским и поныне продолжает именовать себя Великим герцогом Владимирским и Московским. Таким образом, не только мы, удаленные от них, но и ближайшие их соседи впадают в ошибку, именуя их Московитами, а не Русскими. Сами же они, когда их спрашивают, какой они нации, отвечают «Руссак», что означает – Русские, а если спрашивают откуда они, то отвечают «из Москвы» – из Москвы, Вологды, Рязани или из других городов.

Но следует также уразуметь, что есть две России, а именно – та, что носит титул Империи и которую поляки называют Белой Россией, и другая, Черная Россия, находящаяся в зависимости от Польского королевства и примыкающая к Подолии. Сеньором этой Черной России и называет себя король Польши в своих титулах, когда именуется Великий герцог Литовский, Русский, Прусский и прочая.

Об этом я хотел предуведомить читателя, чтобы он знал, что русские, о которых идет здесь речь, – это те, кого некогда звали Скифами, затем, по ошибке, – Московитами, хотя московитами могут называться жители одного лишь города, все равно как если бы всех французов начали бы называть парижанами по той причине, что Париж – столица Франции, да и то с большим основанием, поскольку Париж является столицей с незапамятных времен, а Москва – всего лишь сто или двести лет. Также краткий титул их Государя – «царь Господарь и Великий князь всея Россия», что дословно означает: «Король, сеньор и великий герцог всех Русских», или можно понимать также: «всей России», но отнюдь не «Московитов» или

[34] Итальянец в России XVI в. Франческо да Колло. Донесение о Московии. М. Наследие. 1996. Стр. 59–63.

«Московии». А чтобы отличать Черную Россию от этой, поляки все расположенное по ту сторону Днепра зовут Белой Россией…».[35]

Кем являются жители княжества Московского, обстоятельно объяснял в своих записках «Известия о Московии» венецианский посол Альберто Вимина да Ченеда, прибывший в 1655 году от имени Республики в Москву, к царю Алексею Михайловичу с просьбой о военной помощи Венеции в её войне с Турцией:

«Во-первых, скажу, что Московия не всегда называлась сим именем… Издревле она именовалась Руссиею, а даже и ныне природные жители называют её сим именем; но с тех пор, как Литовцы и Поляки завладели тою частию, которая граничит с Польшею, Московиею и Дунаем, простираясь вдоль по течению Днепра до самаго Чернаго моря, она получила по сему обстоятельству название Черной, что её отличает от верхней части сей страны, называемой Белою. Кажется, что только с того времени, когда столица была перенесена в Москву (за 200 лет пред сим, по доставленному мне счислению), иностранцы стали вообще называть владения сего Государя Московиею, а народ Московитянами».[36]

Примерно то же сообщал и посол австрийского императора Леопольда I, член императорского придворного совета, Августин Майерберг, посланный в 1661 году к московскому царю и великому князю Алексею Михайловичу:

«…Москва с каждым днем становилась великолепнее по зданиям, прибывавшим в ней все больше и больше. Даже и свое имя, заимствованное от речки, протекающей мимо ея и выходящей из Тверской области, она передала всей России и всем обитающим в этой стране народам: это имя принято всеми с таким одобрением, что много уже лет эта страна называется обыкновенно Московией, а жители ея общим для них в свете именем Москвитян; но, не зная этого новаго названия или пренебрегая им, они сами всегда зовут себя древним именем Русских».[37]

Католический нунций Альберт Кампензе в подготовленной для Папы Римского Климента VII аналитической записке «О делах в Московии», написанной в 1523 или 1524 году, сообщал: *«…Многие до сих пор ещё считают заодно Московитян и Россов или Рутенов, опираясь на то, что они говорят одним языком и исповедуют одну веру»*.[38]

Интересно узнать, как воспринимали Московию того времени жители Львова, его православная община, считавшая себя в конце XVI столетия малороссами. Тот же ректор Киевского университета Максимович в своей работе «Об употреблении названий Россия и Малороссия в Западной Руси» делал анализ таких старинных документов:

«Того же 1592 года Львовское братство обращалось в Москву к царю Феодору Ивановичу с просительными посланиями, в которых именуют его «светлым царем Российским», вспоминают «князя Владимира, крестившаго весь Российский род».[39]

Вернемся теперь к Матвею Меховскому. Почему краковский профессор, описав польскую Галицкую Русь и её столицу Львов, не обратил внимание на многочисленные свидетельства своих современников и предшественников о другой, северной Руси, которую тогда называли Белой? Это не так. Описывая Московию, сам Меховский отмечал: *«Московия – страна весьма обширная в длину и ширину. От Смоленска до города Москвы сто миль, от Москвы*

[35] Маржерет Жак. Стр. 118.

[36] Ченеда. Стр. 15–16.

[37] Майерберг. ЧИОИДР. 1873. Кн. 4. Стр. 120.

[38] Кампензе. Стр. 20.

[39] Максимович. Собрание сочинений. Т. 2. Стр. 309.

до Вологды сто миль; от Вологды до Устюга сто миль, от Устюга до Вятки сто миль: эти четыреста миль все – Московия, и речь там повсюду русская или славянская».[40]

«Речь там повсюду русская», означает, что население московского княжества, именно население, а не горстка князей, говорило на том же языке, что и литовские русины, и русины польские. И вся эта неразбериха объясняется очень просто – основной целью трактата польского профессора являлось вовсе не подробное описание русских земель, а забота о величии королевства Польского.

> *«…Достопочтеннейшему отцу и господину,*
> *Станиславу Турсону, епископу ольмюцскому,*
> *Матфей из Мехова, доктор искусств и медицины, краковский каноник…*
>
> ***Достойнейший владыка!***
>
> *Множество писателей в своих изысканиях и открытиях избороздило весь свет, но Сарматии как неизвестные они обошли молчанием и пропустили. У тех же, кто позаботились хоть что-нибудь об этих странах оставить потомству в своих сочинениях или стихах, говорится неясно и (вследствие древности) все темно, как в полночь…*
>
> *…Вот почему, ученейший владыка, я хочу самым правдивым образом рассказать твоему преподобию и об этом, и о многом другом, что есть в Сарматиях…*
>
> *…Южные края и приморские народы вплоть до Индии открыты королем Португалии. Пусть же и северные края с народами, живущими у Северного океана к востоку, открытые войсками короля Польского, станут известны миру»*.[41]

Говоря другими словами, его книга представляет собой в определённой мере взгляд на историческую географию глазами польского патриота. Великая Польша, от края до края, от южного моря до «Северного океана», в этом весь секрет. А вот фраза профессора Меховского «Речь там повсюду русская» значит гораздо больше, чем просто констатация факта названия государства Руссией (в другой транскрипции Россией). Надо ли объяснять, что язык, на котором говорит основная часть населения, является самой важной характеристикой этого народа.

Вот и епископ Павел Иовий Новокомский, называя Московию – Белою Русью, а княжество Литовское – Русью Нижней, приводил неожиданные подробности о языке и письменах наших предков. Но надо заметить, что у высокопоставленных чиновников Ватикана, которые вели беседы с московским послом Дмитрием Герасимовым, имелись свои, четко устоявшиеся представления об окружающем мире. И на рассказы посла из далёкой Московии они смотрели через призму своего мировоззрения: *«Московитяне говорят языком Иллирийским и подобно Славянам, Далматам, Богемцам, Полякам и Литовцам употребляют также Иллирийския письмена. Ни один язык, как уверяют, не имеет такого обширнаго и повсеместнаго употребления, как Иллирийский. Им говорят при дворе Оттоманском, и ещё недавно был он в большой чести в Египте, между Мамелюками, при дворе Мемфисскаго Султана. На сей язык переведены многия книги, преимущественно трудами Св. Иеро нима и Кирилла»*.[42]

Вот так, поляки оказываются не славянами, по крайней мере, высшие чины Ватикана под славянами подразумевали какую-то другую, отдельную народность (словены —?). Но и

[40] Меховский. Стр. 112.

[41] Меховский. Стр. 45.

[42] Иовий. Стр. 47.

эти загадочные славяне, и поляки с литовцами, и московиты, и мамелюки при дворе Мемфисского султана, и даже придворные «при дворе Оттоманском» говорили, оказывается, на едином, великом и могучем. Почему-то только, не на русском – рутенском, даже не на словенском, а на древнейшем иллирийском? Или это вкравшаяся в текст ошибка?

Вряд ли. Как сообщают документы, над переводом на латинский язык послания московского князя Василия Папе Клименту VII в Ватикане вместе с послом Дмитрием Герасимовым трудился и папский толмач, «иллириец» по происхождению, Николай Сикценский.[43] Представители Ватикана в XVI веке явно считали язык доставленной московской грамоты иллирийским.

Этот же рассказ в несколько иной интерпретации в своём «Донесении о Московии» излагает посол Венецианской республики Марко Фоскарино, посольство которого в 1537 году прибыло в Москву: *«Москвитяне говорят и пишут на Славянском языке (in lingua Schiavona), как Долматинцы, Чехи (Bohemi), Поляки и Литовцы. Передают, что язык этот весьма распространен: ныне он хорошо известен в Константинополе, при дворе Султана, и даже в Egunte, у Султана Вавилонии (il Soldano di Babilonia), его обыкновенно можно было слышать в устах Мамелюков (Mamelucchi)»*.[44] Венецианец Фоскарино, кроме всего прочего, делает неожиданные выводы о национальной принадлежности россиян и тоже подтверждает факт разделения русских земель между Москвой и Польшей:

«Россияне (Rossiani), Поляки, Венгры и Трансильванцы (Transilvani) – все это народы, родственные нам. Нужно сказать, что дальняя (ulteriore) Россия, называемая Белой, подвластна Москвитянам; часть её принадлежит им, а часть Полякам» (Фоскарино. Стр. 20). Джильс Флетчер (приезжавший в Москву в качестве посланника английской королевы в 1588 году) в сочинении «О Русском Государстве» (Of the Russe Common Wealth), вышедшем в 1591 году в Лондоне, так описывал язык московитов: *«Язык у них одинаковый с Славянским, который, как полагают, скорее происходит от языка Русскаго, нежели Русский от Славянскаго… Русския буквы или письмена суть Греческия, только отчасти переиначены»* .[45]

Эти многочисленные свидетельства иностранцев, посещавших в своё время нашу землю, опровергают многолетнюю и явно перезревшую ложь о том, что Московия не являлась Русью и жили в ней не русские люди.

А ведь кроме зарубежных письменных источников, упоминающих, что население Московии являлось «рутенами», называло себя «Руссией» или «Рассеей» и говорило на одном языке с Литовской и Польской Русью, есть ещё и фактический материал. Например печати великих Московских князей. Давайте посмотрим надписи на них.

На печатях великого князя Симеона Гордого, сына Ивана Калиты: *«На одной стороне печати изображение Святаго Симеона, на другой – надпись: “Печать князя великаго Семенова всея Руси”»*.

У князя Дмитрия Донского *«на одной стороне печати изображение Св. Димитрия, на другой – надпись: “Печать князя великаго Димитрия”, но на другой печати того же князя встречаем надпись с прибавление "всея Руси"»*.

У Великого князя Василия Дмитриевича несколько печатей: *«На одной изображение Св. Василия Кесарийского и надпись: “Печать князя великаго Васильева Димитриевича всея Руси”;*

[43] Иовий. Стр. 19.

[44] Фоскарино. Стр. 9.

[45] Флетчер. Стр. 47–48.

на другой – изображение всадника с копьем, обращенным острием книзу; третья печать имеет изображение всадника с поднятым мечом, и разныя другия».[46]

Времена Ивана Калиты, Симеона Гордого, Дмитрия Донского, как вы знаете, это XIV столетие. Но и великие князья, и простые жители Московского княжества продолжали гордо называть себя Русью. Текст на этих великокняжеских печатях, конечно, выдавал желаемое за действительное, до реального владения землями «всея Руси» пройдет не одно столетие. Как мудрёно излагают некоторые современные исследователи, эти надписи: «отражают алчные устремления московских князей к гегемонии». Такие устремления действительно существовали.

Некий образованный литовский дворянин, в 1536 году принимавший участие в литовском посольстве к малолетнему тогда московскому князю Иоанну IV, а в 1543 году находившийся в составе посольства в Крыму, написал под псевдонимом Михалон Литвин трактат «О нравах Татар, Литовцев и Москвитян». Об истинном имени автора этого трактата ученые спорят до сих пор, литературное же имя – Михалон Литвин прочно вошло в историю. Этот патриот литовского государства писал о Московии: *«Киев был прежде столицею Русских и Московских Князей. Здесь они приняли Христианство… Кто здесь погребается, душа того почитается спасенной, и потому лучшее дворянство, даже из отдаленных мест, ищет себе здесь могил за большия деньги. Московский Князь… сам желает этого места, которое ему нравится, говоря, что он происходит от Князя Киевскаго Владимира; не менее скорбят и подданные его о том, что не владеют этой древней столицей…»*.[47]

Вряд ли можно считать такие устремления московских князей чем-то постыдным. Даже неприкрытое стремление к власти над всеми Русскими княжествами воспринимали в Европе без всякого возмущения. Всем были понятны родовые права и притязания князей Рюриковичей. Ведь точно такие же «алчные устремления к гегемонии» были и у правителей Польской Руси, и у Русско-Литовских князей. Поэтому притязания великих московских князей на титул Царь – то есть, Цезарь, Император, многие правители не принимали в штыки (хотя до признания России империей ещё было очень далеко).

Возьмем, например, все то же посольство начала XVI века великого московского князя Василия III Иоанновича к Папе Римскому Клименту VII. В грамоте, которую принял Климент VII из рук посла Дмитрия Герасимова, значится: *«Папе Клименту, Пастырю и учителю Римской церкви, Великий Государь Василий, Божиею Милостию Царь и обладатель всея Русии, Великий Князь Володимерский, Московский, Новгородский, Псковский, Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и проч. Государь и Великий Князь Новгорода Низовскияземли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ржевский, Бельский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский и проч…»*.[48] Титул «царь» не вызвал у Климента VII каких-либо возражений, хотя на тот момент его вряд ли можно было считать легитимным.

Обратите внимание, на первом месте после титула «Царь и обладатель всея Русии» стоит великий князь Владимирский и только потом великий князь Московский. Хотя Москва уже была сильным военным и экономическим центром, не Киев, а княжество Владимирское всё ещё считалось важным политическим символом «всея Руссии».

С. М. Соловьёв указывал, что великим князем «всея Руси» начал называть себя ещё Иван Калита, а притязания на императорский титул появились у Иоанна III со времени его женитьбы на племяннице последнего византийского императора, греческой принцессе Софье Палеолог.

---

[46] Соловьев. Кн. 1. Стр. 1157.

[47] Литвин. Стр. 69.

[48] Иовий. Стр. 47.

«В грамотах Иоанна Калиты, сколько нам известно, впервые встречаем название великаго князя всея Руси. Но это название не употреблялось в сношениях с Литовским двором до времен Иоанна III, который после смерти Казимира впервые употребил в сношениях с Александром Литовским выражение: «Иоанн (вместо прежняго Иван), Божиею милостию государь всея Руси и великий князь Владимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверской, и Югорский, и Пермский, и Болгарский, и иных»…

«В сношениях с Ливониею и мелкими владениями немецкими Иоанн принимает название Царя всея Руси; потом на подписи грамоты эрцгерцога Филиппа, сына Максимилианова, Иоанн и сын его Василий названы царями Владимира, Москвы и проч.; то же название и в списке речей посла Гартингера; в грамоте Датскаго короля Иоанн назван императором».[49]

Подводя итог спору русских князей за лидерство, видимо, самое взвешенное историко-географическое описание наших земель, дал барон Герберштейн: *«…Откуда бы, в конце концов, Руссия ни получила свое название, во всяком случае, все народы, пользующиеся Славянским языком, следующие обряду и вере Христовой по Греческому закону и называемые на их народномязыке Руссами, а по-латыни Рутенами, увеличились до такого множества, что или прогнали все промежуточныя племена или заставили их жить на свой лад, так что все теперь называются одним общим именованием Рутенов.*

…Из государей, которые ныне повелевают Руссией, первый – Великий князь Московии, владеющий большей ея частью; второй – Великий князь Литовский; третий – король Польский, который ныне властвует и над Польшей, и над Литвою».[50]

Герберштейн, кстати, в своих знаменитых «Записках о Московских делах» попытался проанализировать происхождение самого слова Русь:

«О происхождении названия «Руссия» существуют разныя мнения. Одни утверждают, будто она получила имя от некоего Русса, брата или внука Леха, князя Польскаго, который якобы был и князем Руссов; по мнению же других, ея имя происходит от одного очень древняго города, по имени Русс, недалеко от Новгорода Великаго; далее, по словам некоторых, она получила имя от смуглаго цвета ея народа. Большинство же полагает, что Руссия получила название чрез изменение имени от Роксолании.

Но Московиты отвергают мнения лиц, утверждающих это, как не согласныя с истиной, утверждая, что их страна издревле называлась Россейя, как народ разсеянный или разбросанный; на это указует и самое имя ея…».[51]

Город Старая Русса существует поныне. Теория о происхождении имени «Русь» от города или княжества «Русса» была популярна в старину, о чём упоминает Сигизмунд Герберштейн, популярна она и сейчас. В своё время приверженцами этой версии были один из первых российских историков В. Н. Татищев и академик М. В. Ломоносов. Но не менее популярной была теория о «Рассее, как народе рассеянном». Вслед за Герберштейном, это предположение приводил уже упоминавшийся английский посол Джильс Флетчер. Флетчер даже полемизировал с древнегреческим историком и географом Страбоном (естественно, заочно), утверждавшим, что Русь происходит от древнего народа Роксоланы. Ну и, конечно, многие иноземцы отмечали существование явной связи терминов Русь и русый. Эти слова в нашем языке уже давно стали если не синонимами, то взаимодополняют друг друга.

---

[49] Соловьев. Кн. 1. Т. V. Стр. 1502.

[50] Герберштейн. Стр. 1–3.

[51] Герберштейн. Стр. 2.

Хочу сделать ещё одну ремарку. Наверное, вы обратили внимание на то, как непривычно для нас многие путешественники именуют Московию и северо-восточную часть Литовской Руси – Белой Русью, а южные районы – Русью Чёрной. Помните, у Алберто Вимена да Ченеда:

«…С тех пор, как Литовцы и Поляки завладели тою частию, которая граничит с Польшею, Московиею и Дунаем, простираясь вдоль по течению Днепра до самаго Чернаго моря, она получила по сему обстоятельству название Черной, что её отличает от верхней части сей страны, называемой Белою».[52] Мы, поколения советских людей, помним воспетую легендарным ВИА «Песняры» Белую Русь, Белоруссию, а тут Московия? Может быть, это ошибка? Но игнорировать многочисленные свидетельства иностранных источников было бы неправильно, они отражали реальную действительность того времени. Здесь явно заключена какая-то коллизия.

Есть интересное предположение по поводу географических и этнографических терминов «белое» и «чёрное», которое сделал известный исследователь русской истории, член-корреспондент Российской Императорской Академии Наук и ректор Дерптского университета Густав Эверс (характерно, что Большая Советская Энциклопедия называла его воззрения «реакционными»). В обстоятельном двухтомнике на немецком языке «Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen», изданном в Дерпте в 1814 году (русский перевод Погодина под названием: «Предварительные критические исследования Густава Эверса для Российской истории» издан в Москве в 1825–1826 годах), суммируя результаты изучения древних текстов, Эверс сообщал:

«…Древние Руссы в Географическом и Этнографическом отношении обыкновенно называли первобытное белым, изменившееся же и произошедшее – чёрным».[53] Дерптский профессор отмечал, что белыми назывались коренные, не подвергшиеся изменению народности, как например, у летописца Нестора – Белые Угры. Можно предположить, что именно поэтому сохранившая свою изначальную самобытность Северная Русь являлась «Белой», а подвергшаяся насильственным изменениям Южная Русь – «Чёрной».

Вполне вероятно и другое, былое название «Белая Русь» было потеряно Москвой в результате прокатившейся «Великой Смуты» – первой российской гражданской войны, больших перемен наступившей эпохи новой династии Романовых, и оно сохранилось только в литовском полесье.

---

[52] Ченеда. Стр. 15–16.

[53] Густав Эверс. Предварительные критические исследования для Российской истории. Кн. 1. Москва. 1825. Словене и Волохи. Стр. 8.

Глава 3
Первая столица

Мы Славяне – дети Волха, а отец его – Словен,
Мы всегда как будто те же, но познали смысл измен.

Прадед наш, Словен могучий, победительный был змей,
Змейно стелется ковыль наш в неоглядности степей.

Волх Всеславич, многоликий, оборачиваться мог,
Волком рыскал, был он сокол, тур был красный, златорог.

Солнцеликий, змеегибкий, бесомудрый, чародей,
Он от женщины красивой нас родил, крылатых змей.

Сам от женщины красивой и от змея был рожден,
Так гласит об этом голос отдаливших ся времен.

Бальмонт. Жар-птица (свирель славянина). 1907

Часть нынешней украинской молодёжи, учащиеся и даже студенты, свою древнюю историю знают исключительно по гротескным лубочным изложениям, сведениям о Киевской Руси, подтасованным в угоду политической конъюнктуре. Фальсификация прошлого ныне стала на Украине модным занятием и приобрела характер настоящей эпидемии. Однако искажение исторической правды началось не сейчас, эти процессы были запущены ещё в XVIII–XIX столетиях.

Как пример можно привести выдержку из «Летописи и описания города Киева» издания 1858 года малороссийского историка и фольклориста Николая Закревского (1805–1871):

«Поляне, одно из многочисленных племен Славянских, поселились на равнинах и горах, сопровождающих правый берег Днепра, и дали начало Киеву. Они управлялись обычаями отцев своих, уважали женский пол; имея кроткий нрав, для большей безопасности жили обществами и стояли на большей степени образования, чем Радимичи, Вятичи, Северяне и другия племена Славян».[54]

Правда, знакомо? Цивилизованные и образованные поляне (видимо, закончившие европейские университеты) в начале первых столетий нашей эры «шануя батьків» и «уважая женский пол», расселились по берегам Днепра и построили Киев, а Радимичи, Вятичи, Северяне и другие славянские народы, не говоря о разных уграх, всё ещё питались сырым мясом и только время от времени спускались с деревьев. В XIX столетии, во времена Закревского, пресловутые поляне в умах формирующегося племени украинских национал-радикалов успешно заменяли будущих древних «укров» – строителей египетских пирамид.

[54] Н. Закревский. Летопись и описание города Киева. ЧИОИДР. 1858. Кн. 2. 1858 г. Стр. 4.

Чтобы восстановить историческую правду, как всегда стоит обратиться к первоисточникам. Откроем том первый «Полного собрания русских летописей» издания 1846 года и прочитаем так называемый «Временник Нестора», известное повествование о начале Руси Нестора-летописца:

«И изъбрашася 3 братья с роды своими, пояша по собе всю Русь, и придоша; старейший Рюрик седе в Новеграде, а другий Синеус на Белеозере, а третий Изборьсте Трувор. От тех прозвася Руская земля, Новугородьци: ти суть людье Ноугородьци от рода Варяжьска, прежде бо беша Словени… а перьвиш насельници в Новегороде Словене, Полотьски Кривичи, в Ростове Меря, в Белеозере Весь, в Муроме Мурома, и теми всеми обладаше Рюрик. И бяста у него 2 мужа, не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царюгороду с родом своим. И поидоста по Днепру, и идуче мимо, и узреста на горе градок и упраща ста, реста: «чий се градок?» они же реша: «была суть 3 братья, Кий, Щек, Хорив, иже сделаша градок ось, и изгибоша, и мы седим платяче дань родом их Козаром. Аскольд же и Дир остаста в граде сем, и многи Варяги скуписта, и начаста владети Польскою землею».[55]

Как видим, первой столицей Руси был вовсе не Киев, а Новгород. Сюда, на север, пришли словены, основавшие Русское государство, сюда же затем были призваны и варяги – Рюрик с братьями. Именно из Новгорода начинались их знаменитые походы. Киев вошел в состав Руси не добровольно, ёмкая фраза «*Аскольд же и Дир остаста в граде сем*» вовсе не означает, что киевляне встречали варягов хлебом-солью.

Кто же жил в Киеве, не входившем ещё в состав древнерусского государства? Действительно ли он был основан славянами? Как говорится, «вопрос, конечно, интересный». Нестор-летописец, параллельно с сообщением о полянах на киевских горах и о том, что Кий был князем, а не перевозчиком на Днепре, тут же сообщает о происхождении основателей будущей столицы – Кия, Щека, Хорива. «*Родом их Козаром*» характеристика достаточно однозначная. А учитывая то, что Хазарский Каганат был тюркским государством с иудейской верхушкой, логично предположить, что 3 брата, построившие «градок», были не тюрками, а принадлежали именно к правящей верхушке, то есть были иудеями. Однако по этому вопросу есть много и других версий.

Николай Михайлович Карамзин в томе первом «Истории государства Российского» педантично перечисляет историков и их мнения относительно киевских истоков:

«Татищев думает, что имя Киева или Кивы есть Сарматское и значит горы: он, кажется, не верит сказанию о трёх братьях.

Щербатов находит имена их Арабскими и Персидскими, и заключает из того, что Киев построен не Славянами, а Гуннами…

Рейнегс утверждает, что «сей город основан Готфами, ибо имя его есть Финико-Арабское и значит – место любимое, радостное»…

Болтин признает Аваров строителями Киева и говорит, что Киев по-Венгерски есть веселый…».[56]

В современном исследовании «Тюркская этнонимия» Юрия Дроздова (2008 г), автор доказывает, что название «Киев» имеет не славянское, а древнетюркское происхождение:

«Название города восходит, вероятнее всего, к древнетюркскому слову qïj (кый), которое в буквальном переводе на русский язык означает «пригород, селение».[57] Со ссылкой на известное сообщение византийского императора Константина Багрянородного о существовании на днепровских горах древней крепости с названием Самватас, Ю. Н. Дроздов предполагает:

---

[55] ПСРЛ. Т. 1. Стр. 8–9.

[56] Карамзин. 1842. Кн. 1. Стр. 27. Приложен. 71.

[57] Дроздов. Стр. 302.

«…Вероятно, рядом с крепостью Самватас существовал пригород (кый). Со временем этот пригород разросся до размеров города, поглотив, вероятно, и территорию крепости, сохранив своё изначальное, древнее название, которое в древнерусском языке получило форму Кыйев или Киев».[58] Здесь к месту будет вспомнить, как иногда называли киевских правителей в летописных источниках. Прочтём достаточно известную выдержку из летописного «Слова митрополита Иллариона» о киевском князе Владимире:

«Похвалим же и мы… нашего учителя и наставника, великаго кагана нашея земля, Владимера, внука стараго Игоря».[59] Каганами, кстати, кроме Владимира, называли и некоторых других киевских князей (для информации: каган, хаган, хакан – название владык у многих восточных народов).

В этом ряду теория о славянах-полянах, основателях Киева также имеет право на существование, она ничуть не хуже, но и не лучше остальных. Однако то, что значительное количество авторитетных историков относилось к ней скептически, само по себе является серьёзным аргументом. Показательно, что даже слово «Князь» имеет не южно-, а северорусское происхождение, как производное от слова конь. По В. И. Далю: «*Конязь, вершинник [ср. князь]; конник, всадник, конный воин, кавалерист; В ночную конязем ездит; чередовой конязь, ряз. тмб. Чередовой табунщик, стерегущий лошадей»*.[60] В старославянском же языке ска кунов называли по-другому – комонь, кумонь. Конный воин назывался комонным, не назывался «князем» и предводитель конной дружины.

А по поводу уровня культуры и образования этих южных славян обратимся всё к тому же Нестору-летописцу. К его описанию деяний апостола Андрея Первозванного:

«Въшед на горы сия, благослови я, постави крест, и помолився Богу, и сълез с горы сея, идеже послеже бысть Киев, и поиде по Днепру горе. И приде в Словени, идеже ныне Новъгород; и виде ту люди сущая, како есть обычаи им, и како ся мыють, хвощются, и удивися им. Иде в Варяги и приде в Рим, исповеда, елико научи и елико виде, и рече им: «дивно видех Словеньскую землю, идучи ми семо видех бани древены, и пережьгуть е рамяно, совлокуться и будуть нази, и облеются квасом уснияным, и возьмуть на ся прутье младое, бьються сами и того ся добьють, егда влезуть ли живи, и облеются водою студеною, тако оживуть; и то творять по вся дни немучими никимже, но сами ся мучать, и то творять не мовенье собе, а мученье».[61] Как видите, для легендарного ученика Христа (вернее, для летописца Нестора) обычай северных славян мыться в банях был удивителен и не очень-то одобряем. Можете себе представить, каким был уровень гигиены южан того времени.

Гийом Левассер де Боплан, французский военный инженер на службе польского короля, в 30-х годах XVII века занимался созданием сети укреплений юго-восточной границы польского государства и делал военно-топографическую съёмку этих земель.

Записки Боплана, изданные им в 1651 году под названием *«Описание окраин Королевства Польши, простирающихся от пределов Московии вплоть до границ Трансильвании»,* познакомили европейского читателя с землями будущей Украины. Да и само это название «Украйна» появляется впервые именно в записках Боплана, во втором их издании 1660 года: *«Описание Украйны, которая является некоторыми провинциями Королевства Польши. Простирается от пределов Московии, вплоть до границ Трансильвании»*. В русском переводе Н. Г. Устрялова эта книга под названием «Описание Украйны» вышла в 1832 году.

---

[58] Дроздов. Стр. 303.

[59] Словарь АН. Т. 7. Стр. 11.

[60] Даль. Т. 2. Стр. 396.

[61] ПСРЛ. Т. 1. Стр. 4.

В своих записках, кроме всего прочего, Боплан описал распространённое в южных провинциях Польши заболевание под названием «Колтун»:

«Одержимые сею болезнью, которую Французы называют колтуном, круглый год чувствуют сильное разслабление в членах и от нестерпимой боли нерв стонут безпрерывно. По прошествии года, на голове больнаго в одну ночь выступает сильный пот, волосы склеиваются, скатываются в клочки и походят на хвост трески рыбы. Тогда только больной получает облегчение и чрез несколько дней совершенно оправляется; но вид волос его отвратителен: разчесать их невозможно. Если больной острижет клочки прежде истечения двух дней, то соки, которые выходили порами волос, приступают к глазам и несчастный теряет зрение.

Болезнь сия в Украйне почитается неизлечимою; но я многих исцелял от оной теми же средствами, которыми во Франции лечат от бол езни венерической».[62]

Тогда же, в XVII столетии, эту болезнь описал и доктор Самуил Коллинс, англичанин, восемь лет бывший личным врачом царя Алексея Михайловича:

«…Колтун (Plica) также свирепствует в Польше, как чесотка во Франции; и так заразителен, что очень немногия семейства остаются от него свободны. Без сомнения, нет на свете болезни хуже, потому что (не говоря о многих ужасных ея действиях) от волос воняет, как от застарелаго чирья, и, несмотря на то, Поляки почитают её признаком высокаго происхождения. У некоторых все волосы в узлах, и я видел одного монаха, у котораго голова совершенно похожа была на Медузину, и котораго за то уважали, как человека необыкновенной святости…

Говорят, что Поляки первые ввели пудру в употребление, стараясь заглушить вонь колтуна. Трудно избежать этой болезни, проезжая через такую землю…».[63]

Интересно, что севернее – в землях северян, радимичей, вятичей, новгородских словен, такая напасть не отмечалась. Причина этому очень проста: жители лесов имели «пагубную» привычку мыться в банях, это спасало их от многих болезней. Поляне же та кой привычки не имели, что подтверждает энциклопедия Брокгауза и Эфрона:

«Колтун (Plica polonica) – в прежнее время считался особой болезнью, присущей известным местностям (напр. берегам Вислы, Познани) и народностям. В настоящее время выяснено, что Колтун есть следствие экземы на голове у людей нечистоплотных, относящихся небрежно к уходу за своими волосами, вовсе их не расчесывающих. Колтун очень часто развивается на почве не распознанной вшивости и излечивается с устранением последней. Вследствие обильного отделения (экскреции) сальных желез на голове, волосы слипаются в клубки, косички, в которых содержатся грязь, пыль и множество насекомых, находящих здесь для себя богатую пищу. Колтун устраняют стрижкой волос и последовательным лечением воспалительного состояния сальных желез на голове…».[64] Картинка, от которой просто бросает в дрожь, вот тебе культурные и образованные поляне. Ещё в XVII столетии *Plica polonica* была на территории нынешней правобережной Украины заболеванием массовым (и считалась неизлечимой!), а что уж говорить о предыдущих веках.

Кроме официозной версии истории древней Руси, которая знакома многим, в которой реальные исторические факты и события сознательно или бессознательно выстраивались во славу и величие правящей династии Романовых, в ходу были народные предания и легенды, не всегда совпадавшие с официальными или летописными источниками. Например, некоторые из

[62] Боплан. 1832. Стр. 83.

[63] Коллинс. Стр. 30.

[64] Брокгауз. Эфрон. Т. XV – А. Стр. 763.

таких народных сказаний об истории Руси, существовавшие в Московском государстве, записал Н. М. Карамзин:

«Аскольд и Дир, отправленные из Новагорода Олегом послами в Царьград, увидели на пути Киев, пленились красотою онаго и завладели им, убив Кия, братьев и сестру его…

Тут же сказано, что Кий, Щек и Хорив были разбойники в Новогородской области; что Новогородцы посадили их с сестрою Лыбедью и с 27 товарищами в темницу и хотели повесить; что Князь из жалости дал им свободу; что сии разбойники два месяца шли дикими местами до реки Днепра, впадающаго в Теплое море, по коему живут Варяги; что Кий основал там Киев и, приняв к себе многих бродяг, начал обработывать землю; что товарищи его назвалися Древлянами…».[65]

Интересные подробности отношений Новгорода и Киева, явно существовавшие не только (или не столько) в исторических документах, но и в народных преданиях, приводятся в записках к царю и великому князю московскому Алексею Михайловичу в 1661 году посла августейшего римского императора Леопольда, барона Августина Майерберга:

«Некогда правили Русскими братья: Рюрик, Синеус и Трувор, родом из Варягов или Вагров, Князей Славянскаго народа у Каттегата и Зунда. Взяв с собою двоюроднаго брата, Олега, они разделили между собою власть над Русью, предложенную им тамошними коренными жителями по внушению и совету граждан Великаго Новгорода для того, чтобы эти братья обороняли их от Киевлян, войну с которыми они едва выдерживали… По смерти же обоих бездетных братьев им наследовал Рюрик и, умирая, оставил наследником Государства несовершеннолетняго для правления, единственнаго сына, Игоря, под опекою Олега…

Олег, родственник Рюрика и опекун его сына Игоря, сделал нападение на Киев в отмщение за обиды от него Новогородцам и, пользуясь счастием, взял его и основал в нём столицу всей Руси. Этих преимуществ лишил, однако ж, город Игорев внук, рожденный вне брака, Володимер, отдав их городу Володимеру, построенному им на реке Клязьме».[66]

А вот как выглядела Российская история в целом в изложении того же барона Майерберга:

«Русское Царство, которое ныне мы называем Московским, некогда простиралось широко по обоим берегам Днепра (Борисфена). Но в начале XI-го столетия по Християнскому летосчислению, когда с одной стороны сперва напали на него Поляки, а потом с другой стороны Литовцы, оно сильно уменьшилось в продолжении чуть не 400-летней тяжелой войны. Потому что все течение Днепра, от его истоков до устья, с Белою и Черною, иначе Красною или Малою Русью и обширнейшею Северскою областью, Поляки и Литовцы постепенно отняли у Русских Князей во многих походах. А Витовт, Великий Князь Литовский в 1414-м году отнял у них ещё и Великий Новгород, и Псков. Однако ж, когда Иван Васильевич старший с безстрашною отвагою свергнул с себя и с своей Московии Татарское иго, он взял обратно Великий Новгород, после семилетняго облежания, в 1477 году, в царствование в Польше Казимира III-го».[67]

Другой иноземец, уже упоминавшийся австрийский посол барон Сигизмунд Герберштейн, в XVI столетии описывал в своих записках историю Руси следующим образом:

«Рюрик получает княжество Новгородское и помещает свой престол в Ладоге, на XXXVI немецких миль ниже Новгорода Великаго. Синеус сел на Белом озере, а Трувор – в княжестве

---

[65] Карамзин. 1842. Кн. 1. Стр. 74. Приложен. 282.

[66] Майерберг. ЧИОИДР. 1873. Кн. 4. Стр. 105, 123.

[67] Майерберг. ЧИОИДР. 1873. Кн. 3. Стр. 1.

Псковском, в городе Изборске. Русские хвалятся, что эти братья происходили от Римлян, от которых повел, как он утверждает, свой род и нынешний Московский государь…

Когда двое из них умерли без наследников, то все княжества получил оставшийся в живых Рюрик… Перед смертью онпоручает юнаго сына по имени Игорь и царство некоему Олегу, своему родственнику; тот увеличил царство, покорив много областей; с своей боевой силой он ходил и на Грецию и даже осаждал Византию. После тридцати трёхлетняго царствования, он случайно наступил ногою на голову или череп своего коня, давно уже умершаго, и погиб, пораненный укусом ядовитаго червя. По смерти Олега стал править Игорь, взяв себе в жены Ольгу из Пскова».[68]

Такие заметки иностранных путешественников очень ценны для понимания того, кем считали себя жители Московии. Как видим, жители Северной Руси, а потом и Московского государства, в исторических сказаниях практически не упоминали Киев как бывшую столицу, как центр русских земель. Гораздо чаще в таком качестве фигурировали Новгород и Владимир.

Так, в начале XVI века епископ Павел Иовий Новокомский написал в Ватиканских записках о бывшей столице Руси: *«…Новгород… был прежде столицею Государства и всегда славился безчисленным множеством строений своих… древнейшим и весьма уважаемым Москвитянами храмом, сооруженным за 400 лет пред сим, в соревнование с Византийскими Императорами, во имя Св. Софии Иисуса Христа сына Божия».*[69] Василий Николаевич Семенов, сделавший перевод и издавший «Описание Московии» Павла Иовия в сборнике «Библиотека иностранных писателей о России» в 1836 году, в примечаниях писал: «*Софийский собор в Новгороде построен в Княжение Ярославово. Вот что сказано о сем в 1-м томе Софийскаго временника, на стр. 155: "В лето S'ФНГ (1045) заложи Володимир Ярославич Церковь Святую Софию в Новегороде", и ниже: "В лето SФНИ (1050) священена бысть святая София в Новегороде, на Вздвижение честнаго креста, повелением Великаго Князя Ярослава"».*[70]

Киев же оставался в памяти народной центром религиозным, местом принятия христианства. Знакомая же всем фраза «Киев – мать городов русских», появившаяся в летописи Нестора, явно преследовала конкретные политические цели, являлась противопоставлением реалиям того времени, – множеству враждующих между собой разрозненных русских княжеств, попыткой летописца создать мифологический, привлекательный образ политически единого Русского государства.

Хочу привести ещё одну легенду о Новгородской республике, записанную уже известным нам посланником императора Фердинанда бароном Сигизмундом Герберштейном в 1517 году в Московии:

«…Как повествуют их Летописи, случилось, что, когда Новгородцы облагали тяжкой осадой семь лет подряд Греческий город Корсунь, их жены, соскучившись от их продолжительнаго отсутствия, а к тому же ещё и сомневаясь в жизни своих мужей и возможности их возвращения, вышли замуж за рабов. Наконец, по завоевании города, когда победители мужья вернулись с войны и привезли с собою медныя ворота покореннаго города и один большой колокол, который мы сами видели на их соборной Церкви, то рабы пытались отразить силою господ, на супругах которых они женились.

Тогда господа, разсерженные этим возмутительным поступком, отложили по чьему-то совету в сторону оружие и взялись как имеющие дело со своими рабами только за кнуты и батоги; устрашенные этим рабы обратились в бегство и удалились в некое место, которое

[68] Герберштейн. Стр. 4–5.

[69] Иовий. Стр. 36–37.

[70] Иовий. Примечание 28. Стр. 87.

и поныне ещё называется Холопий город, то есть крепость Рабов, и стали там защищаться. Но они потерпели поражение и получили от господ заслуженную кару».[71]

Точно такую же историю, но только в относящуюся к скифам, записал ещё в середине первого тысячелетия до нашей эры древнегреческий историк Геродот:

«…Скифы 28 лет владычествовали в Верхней Азии. Следуя за киммерийцами, они проникли в Азию и сокрушили державу мидян (до прихода скифов Азией владели мидяне). Когда затем после 28-летнего отсутствия, спустя столько времени, скифы возвратились в свою страну, их ждало бедствие не меньшее, чем война с мидянами: они встретили там сильное вражеское войско. Ведь жены скифов вследствие долгого отсутствия мужей вступили в связь с рабами…

От этих-то рабов и жен скифов выросло молодое поколение. Узнав свое происхождение, юноши стали противиться скифам, когда те возвратились из Мидии…

Произошло много сражений, но скифы никак не могли одолеть противников; тогда один из них сказал так: "Что это мы делаем, скифские воины? Мы боремся с нашими собственными рабами! Ведь когда они убивают нас, мы слабеем; если же мы перебьем их, то впредь у нас будет меньше рабов. Поэтому, как мне думается, нужно оставить копья и луки, пусть каждый со своим кнутом пойдет на них. Ведь пока они видели нас вооруженными, они считали себя равными нам, т. е. свободнорожденными. Если же они увидят нас с кнутом вместо оружия, то поймут, что они наши рабы, и, признав это, уже не дерзнут противиться".

Услышав эти слова, скифы тотчас последовали его совету. Рабы же, устрашенные этим, забыли о битвах и бежали».[72]

Такое сходство сказаний двух, казалось бы, разных народов, кажется мне удивительным. Как через огромную череду столетий скифские легенды вошли в предания северной Руси? Такие совпадения явно не случайны, с ними перекликается наблюдение, сделанное выдающимся русским и советским археологом Василием Алексеевичем Городцовым ещё в 1921 году. Учёный обнаружил, что изображения на деревенских северорусских вышивках часто аналогичны изображениям на древних предметах из раскопанных скифских курганов, в частности, известного Чертомлыцкого кургана и других курганов Приднепровья. К тому же, как отметил В. А. Городцов, подобная *«русская иконография шитья, насколько известно, оказывается неповторяющейся ни у одной славянской народности Средней Европы…»*.[73] (Обратите внимание, по наблюдениям знаменитого археолога, ни в сюжетах польских вышивок, ни на украинских рушниках такие элементы не встречались). Не отсюда ли, из этих бездонных глубин народной памяти, черпал свои обобщения древний летописец, назвавший русскую землю «Великая Скуфь»?

В довершение главы хочу ещё раз вернуться к нашим православным истокам. Официальная история крещения Руси, существующая уже не одно столетие, на мой взгляд, имеет явные шероховатости. Вспомним наблюдения нашего знакомца, венецианца Иосафата Барбаро, путешествующего по необъятным просторам черноморских степей:

«…Начну путешествие свое с описания Чернаго моря и твердой земли… Алания заимствовала имя свое от народа Аланскаго, называвшаго себя на своем языке Ас. Народ сей, исповедовавший Христианскую веру, был истреблен и выгнан из жилищ своих Татарами. Страна

---

[71] Герберштейн. Стр. 119.

[72] Геродот. История. Перевод Г. А. Стратановского. «Ладомир», Москва. 2002. Стр. 235.

[73] Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Труды Исторического музея. Москва. 1926. Стр. 34.

их покрыта горами, реками и долинами, и в ней встречается весьма много искусственных земляных насыпей, – без сомнения – надгробных памятников.

На вершине каждой из таковых насыпей положен огромный, насквозь просверленный камень, в отверстие коего вставлен крест, также сделанный из камня. Этого рода курганов, как я уже сказал, здесь безчисленное множество».[74]

Оказывается, задолго до знаменитого эпизода крещения князя Владимира, на курганах по Днепру, Дону и в Причерноморье стояли не только «скифские бабы», антропоморфные половецкие погребальные изваяния, но и многочисленные каменные христианские кресты. Киевляне ещё были язычниками, а над Великой Степью сиял огонь древней искренней веры – Православия.

Может быть, этот факт – домысел фантазёра-венецианца? Отнюдь. Христианство древних жителей наших степей подтверждают и другие источники. В частности архиепископ Макарий харьковский в своей «Истории христианства в России» в 1868 году писал:

«Писатели средних веков, Иоанн Зонар (XII в) и Феодор Вальсамон (XIII в.), вероятно, не без основания полагали, что в Алании были епархии ещё во дни халкидонскаго Собора (451 г.) и что 28-м правилом сего Собора причислены были оне к диецезии Понтийской. Существование же какой-либо аланской или хазарской епархии в VIII веке выше всякаго сомнения, когда, по словам месяцослова, императора Василия, там был уже около половины сего века свой епископ. А мысль, что ещё во дни равноапостольнаго Константина проникло в Сарматию христианство, упоминовение об епископах и переводе св. Писания у Сарматов в те времена ещё более располагают нас верить в древность аланских епархий».[75]

Равноапостольный Константин, о котором упоминает архиепископ Макарий, это тот самый римский император Константин (306–337 гг.), сын святой царицы Елены, провозгласивший в подвластных ему странах свободу исповедания христианской веры. Такие факты существования у сарматов христианства ещё от самых его истоков, чуть ли не со времен первых учеников Христа, не могут быть не связаны с историей Русского государства. Они заставляют по-другому взглянуть на каноническую версию распространения православия на нашей земле.

Даже во время путешествия Барбаро, в XV столетии, осколки степного христианского государства, древней империи Алан, продолжали существовать: *«…На берегу Чернаго моря лежит сначала Готфия, а потом Алания, простирающаяся вплоть до самаго Монкастро… От соседства Готфов с Аланами, как я полагаю, произошло название Готфаланов. Аланы были первоначальными обитателями страны. Пришли Готфы, покорили их и, смешав имя свое с их именем, назвали себя Готфаланами, т. е. народом, составленным из двух различных племен. Все они, равно как и Черкессы (Circassi), исповедуют Греческую веру»*.[76]

Официальную версию крещения Руси ставили под сомнение и некоторые путешественники иностранцы. Записки на эту тему, например, оставил Даниила Принц из Бухова, советник императоров Максимилиана II и Рудольфа II, который в 1576 и 1578 году посылался Чрезвычайным послом в Москву, к великому князю Иоанну IV Васильевичу:

«Общее мнение Москвитян то, что Владимир, наскучивши множеством богов, первый склонился к Християнской религии; однако Зонара, греческий летописец, утверждает, что ещё до Владимира Василий Македонянин, Император Константинопольский, посылал к Руссам Епископа, старанием коего они и приняли Християнскую веру…

[74] Барбаро. Стр. 6.

[75] История христианства в России. Макарий, арх. Харьковский. С.-Петербург. 1868. Стр. 88–89.

[76] Барбаро. Стр. 55–56.

Да и то служит великим доказательством того, что некоторыя семена Християнской религии в этой стране были ещё до Владимира, что бабка его, Ольга, названная потом Еленой, по смерти супруга своего отправилась в Константинополь и приняла Святое крещение. Но так как, находясь в варварстве, они, может быть, спустя немного, отступили от Християнской религии, то в летописях их почти нет никакого упоминания об этом. Поэтому они утверждают, что Владимир, по выходе за него замуж Анны Константинопольской, принял Християнскую веру, как её проповедовали Греки, отделившиеся от Церкви, и очистился в святой купели крещения».[77]

О неоднократном крещении Руси сообщают даже русские летописи (прибавление к Ипатьевской Густинской летописи):

О первом крещении Росском

Внегда святый апостол Андрей во своем жребии проходя учаше, бысть уча в Синопе, также в Корсуне, отнюду же пойде Днепром горе, и пришед идеже ныне горы Киевския, их же благослови и крест на них водрузи… потом же шед по Днепру горе даже до Новгорода Великого, и тамо такожде многия научив крести…

О втором крещении Росском

Второе крестишася Словяне, якоже наш Русский летописца преподобный Нестор глаголет, сице: Михаил царь, во четвертое лето царства своего, пойде всею силою своею на Болгары; оны же не могуще стати силе его, просиша креститися, царь же крести их и князя их, и сотворив мир с ними возвратися…

Третее крещение

Третее крестишася Словяне, си есть наша Русь, при патриарсе Фотии, по смерти Игнатия патриархи, при Василии Македоне царе…

Четвертое крещение

Четвертое же крестися Русь от Греков за Олги княгине, жены Игора князя, бабы же Володымерови. Сия Олга ходи во Цариград навыкати веры ко патриарху Полиевкту, по смерти Феофилакта патриархи, при цари Греческом Константине седмом, в лето 955…

Пятое и конечное крещение

Пятое же конечне крестися Русь от Греков за Володымера великого князя Руского сицевым образом…[78]

---

[77] Даниил Принц из Бухова. Начало и возвышение Московии. ЧИОИДР. Москва. 1876. Кн. 3. Стр. 31–32.

[78] ПСРЛ. Т. 2. Стр. 251–253.

Глава 4
Азиатская Сарматия

Так вот она, страна уныний,
Гиперборейский интернат,
В котором видел древний Плиний
жерло, простершееся в ад!

Так вот он, дом чужих народов —
без прозвищ, кличек и имен,
Стрелков, бродяг и скотоводов,
Владык без тронов и корон!

Н. Заболоцкий

«На восток от Московитян живут Скифы, ныне называемые Татарами, народ кочевой и с давних времен славящийся своим воинственным характером, – писал епископ Павел Иовий Новокомский. – *Татары разделяются на орды; это слово на их языке значит собрание народа в одно целое, на подобие Государства. Каждою ордою управляет особенный вождь, избираемый по знатности рода или по воинским доблестям. Побуждаемые честолюбием, они часто ведут жестокия войны с своими соседями»*.[79] Эти татарские племена и перечислил Матвей Меховский, описывая «Азиатскую Сарматию»:

«Татарских орд четыре и столько же их императоров. Это именно: орда заволжских татар, орда перекопских, орда козанских (Cosanensium) и четвертая орда – ногацких. Добавляют ещё и пятую, не имеющую императора, и называют её казакской (Kazacka). О них будет сказано ниже. Орда по-татарски означает толпу, множество».[80] В переводе «Трактата о двух Сарматиях», сделанном известным историком, профессором Санкт-Петербургского университета Егором Егоровичем Замысловским, который параллельно с изучением «Записок о Московии» австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна исследовал и труд Матвея Меховского, эта фраза звучит так:

«…Все племена Татарския делились на пять племен или орд: Татары Заволжские, Перекопские или Уланы, Казанские, Оккасские или Ногайские, орда Казацкая (Cazacca).[81]

«Орда Заволжская или Джагатайская (Czahadaiorum) – самая главная. Сами себя они называют людьми начальными и свободными, так как они никому не подчинены, и от этой орды произошли все другия. Поэтому и Москвитяне называют её Большою ордою». Здесь краковский профессор Меховский допустил ошибку. Е. Е. Замысловский по этому поводу справедливо замечает, что в России того времени действительно Большой Ордой называли «Золотую Орду»: *«Так под 1502 г. (7010) летопись сообщает: “Пришде к великому князю посол от Большия орды от царя Шиахмата Ахмутова сына”, и далее: “Того ж лета июня крымский царь Менглигерей, побивши Ахмата, царя Большия орды, и орду взял”…»*. Однако Золотая Орда уже не была объединённым государством. Загатайская орда в её состав не входила, была само-

[79] Иовий. Стр. 24–27.
[80] Меховский. Стр. 64.
[81] Замысловский. Стр. 343.

стоятельным образованием со своей столицей в Самарканде.[82] Вот как описывает Загатайскую орду все тот же Павел Иовий:

«К югу от Ногаев, близ Гирканскаго моря, живет племя Загатайское (Zagathai), знатнейшее из всех Татарских племен. Загатаи имеют города, построенные из камня.

Самарканд, столица их, замечательна по своей обширности и великолепию. Загатаи снабжают Московитян множеством шелковых тканей; Татары же, обитающие внутри земель, не доставляют им ничего, кроме быстрых лошадей и превосходных белых материй, не тканных, а сваленных из шерсти. Из них делаются Фельтрийския епанчи[83]*, столь красивыя и столь хорошо защищающие от дождя.*

У Московитян они берут в обмен только шерстяное платье и серебренную монету, пренебрегая прочим убранством и излишнею домашнею рухлядью. Им достаточно одних плащей для защиты от суровой погоды и однех стрел для отражения неприятеля.

Впрочем, в случае набега на Европейския страны, предводители их покупают у Персов железные шлемы, брони и сабли».[84]

По соседству с Золотой ордой располагалась орда Казанская. Матвей Меховский сообщает, что «*эта орда имеет около двенадцати тысяч воинов, в случае же необходимости, когда призываются другие Татары, до тридцати тысяч. Имена их государей, их дела и генеалогию не записывают, так как они подвластны князю Московскому и от его произвола зависят и в обыкновенное время, и во время войны (in viuendo, in bellando), и в выборе себе вождей: поэтому-то, что было бы сказано о государе Московском, могло бы быть принято и относительно их (т. е. царей Казанских)».*[85] А Павел Иовий сообщает, что не только казанские, но и татары, обитающие между Доном и Волгой, подвластны московскому царю Василию:

«Татары, обитающие в Азии, на обширных равнинах между Танаисом и Волгою, подвластны Московскому Царю Василию, и от воли его нередко зависит даже самое избрание их Государей…

…За Волгою обитают Казанские Татары, которые весьма дорожат дружбою Московитян и признают их своими покровителями».[86]

Начинался XVI век, а татары между Доном и Волгой уже были подвластны московскому царю Василию, и Казанские татары – ещё не враги. Они весьма дорожат дружбою Московитян. Значит, было и так, и отношения русских княжеств и татарских князей и ханов оказываются гораздо сложней простых шаблонов, складывавшихся в нашей литературе не десятилетиями, столетиями. Конечно, были и татарские набеги, и грабежи, и угон пленников, и много горя в пограничных и глубинных городках и деревнях, никуда от этого не денешься. Но не надо забывать, что были такие же жестокие бесчинства, пожары, порубленные младенцы и опять много, много горя, когда русские князья шли воевать и грабить соседние русские же княжества. И тогда на защиту этих разоренных княжеств вставали неожиданные союзники – татары.

Ещё во времена московского княжения Василия Васильевича Тёмного (1425–1462), ослеплённого двоюродным братом Димитрием Шемякой, который и занял Московский престол, на выручку несчастному князю Василию, наряду с дружинами русских приверженцев, приходят татарские отряды: *«…князь Василий Ярославич и другие московские выходцы, жившие в Литве… решились, оставя семейства свои в Литве, идти к Угличу и вывести оттуда Василия… Близ Ельны встретили они татарский отряд и начали было уже с ним стреляться,*

---

[82] Замысловский. Стр. 344.

[83] По В. И. Далю: *«Епанча ж. [тюркск.] широкий безрукавный плащ, круглый плащ, бурка. Женская епанча, епанéчка, короткая, бористая, безрукавая шубейка; накидочка».* (Даль. Т. 1. Стр. 1295).

[84] Иовий. Стр. 26–27.

[85] Замысловский. Стр. 348.

[86] Иовий. Стр. 25.

как Татары закричали: «Кто вы?» Они отвечали: «Москвичи; идем с князем Василием Ярославичем искать своего государя, великаго князя Василия Васильевича, сказывают, что он уже выпущен; а вы кто?» Татары отвечали: «Мы пришли из страны Черкасской с двумя царевичами, детьми Улу-Махметовыми, Касимом и Эгупом; слышали царевичи о великом князе, что он пострадал от братьев, и пошли искать его за прежнее добро и за хлеб, потому что много его добра до нас было». Когда дело таким образом объяснилось, Москвичи и Татары съехались, дали друг другу клятву и пошли вместе искать великаго князя».[87] Когда в 1449 году татарский отряд внезапно появился на реке Похре *«и много зла наделал христианам, – сек и в полон вел»,* татарский царевич Касим из Звенигорода **«***разбил их, отнял добычу, прогнал в степь. И в следующем году Касим оказал такую же услугу Москве, разбивши татар вместе с коломенским воеводою Беззубцевым на реке Битюге»*.[88]

Действия татарских приверженцев Москвы могли оказывать и оказывали серьёзное влияние на судьбу северо-русского государства. Например, в противостоянии великого князя московского Иоанна III и хана Золотой Орды Ахмата окончательную точку поставил союзник Иоанна, хан Шибанской (Тюменской) орды Ивак совместно с ногайскими конниками.

Так сильный и влиятельный хан Ахмат после неудачного похода на Москву (не дождавшись на реке Угре подхода войск короля Казимира, о чем был договор) ушел вспять, опустошая по пути королевские земли, как написала Никоновская летопись *«за измену»,* и, обременённый богатой добычей, расположился на зимовку в низовьях Северского Донца.

«Здесь 6 января 1481 года напал на него Ивак и собственноручно убил соннаго, после чего отправил к великому князю посла объявить, что супостата его уже нет больше; Иоанн принял посла с честию, дарил и отпустил с дарами для Ивака. Таким образом, последний грозный для Москвы хан Золотой Орды погиб от одного из потомков Чингис-Хановых; у него остались сыновья, которым также суждено было погибнуть от татарскаго оружия».[89]

С Крымским Ханством, нашими давними соседями-недругами, при ближайшем рассмотрении тоже, оказывается, не всё так однозначно. Матвей Меховский называет крымцев Перекопскими татарами или Уланами и сообщает, что они «*…могли бы быть более общежительными и кроткими, вследствие влияния природы, но они не оставляют свою волчью хищность и зверскую жестокость, как дикие, обитающие в степях и лесах, а не в городах и селениях. Ибо они ежегодно нападают, опустошают и грабят Россию, Литву, Валахию, Польшу и иногда Московию»*.[90] Россией краковский профессор здесь называет земли юго-западной Руси. А Павел Иовий сообщает, что: «*…Питая непримиримую вражду к Полякам, Перекопские Татары безпрерывно опустошают земли, лежащие между Борисфеном и Танаисом»*.[91]

Кого же могли грабить перекопские татары между Днепром и Северским Донцом или Доном, чтобы утолить свою «непримиримую вражду к полякам»? Неужели, и правда, на наших землях днепровско-донского междуречья в старину были польские или литовские поселения? Вопрос интересный, но поговорим об этом позже.

Крымская орда, как пишет С. М. Соловьев, была образована эмиром Едигеем из черноморских татарских улусов. Но род Едигея пресекся, и родоначальником знаменитых в нашей истории Гиреев крымских стал Ази-Гирей (по другому Хаджи Герай, Гаджи Девлет Гирей). С

[87] Соловьев. Кн. 1. Т. IV. Стр. 1071.
[88] Соловьев. Кн. 1. Т. IV. Стр. 1106.
[89] Соловьев. Кн. 1. Т. V. Стр. 1432.
[90] Замысловский. Стр. 345.
[91] Иовий. Стр. 24–25.

юностью Ази-Гирея (Хаджи Герая) связано целое предание, которое повторяют большинство татарских и турецких историков того времени. Как водится в сказаниях, Хаджи Гераю вместе с племянником, Джанай-огланом, и одним слугой пришлось бежать из Крыма от преследования пришедшего к власти нового хана.

«Известившийся о побеге их жестокий хан снарядил погоню за ними. Преследовавшие настигли их на реке Днепре. Те со всем, с лошадьми, бросились в реку и поплыли. Преследователи осыпали их с берегу дождем стрел…

…Когда Хаджи-Герай с слугою своим при этой перепалке были уже на средине реки, одна стрела угодила в коня его. Хаджи-Герай очутился кругом в воде. В то время верный слуга отдает свою лошадь своему господину, пожертвовав ради него своей жизнью. Он утонул, едва успев ему завещать, сказавши: «Если достигнете счастия, то окажите милость моим детям и родственникам. Царство ему небесное!».[92]

Пронзительное повествование о верности и чести. Представляются беглецы, вырвавшиеся за стены Перекопской крепости и мчащиеся вверх по Муравскому шляху, вдоль левобережья Днепра. Другого пути у них не было. Вряд ли они переплывали Днепр в низовье, но и уйти далеко также не могли. Скорее всего, не дойдя порогов, переправлялись на правый берег, на земли будущей Новой Сербии, в одном из мест традиционных днепровских переправ. Герои – не погибают! И царевич Хаджи-Герай нанялся на тяжелую работу в случайное кочевье степных татар, бедствовал, спал на голой земле. Шесть лет скитался по Дикому полю, пока не вернулся победителем в Крым. Конечно, убив при этом своего врага, «жестокого хана».

Арабские хроники выводят родословную хана Ази-Гирея от властителя Гыяс-эд-Дин-бен-Таш-Тимура (Таш Тимур захватил власть в Крыму после второго поражения Тохтамыша от Тимура (Тамерлана) в 1395 году). Существуют и другие мнения. Но среди различных версий происхождения этого хана есть и такая, *«будто Ази-Гирей, сын или внук Токтамыша, родился в Литовском городе Троках и что господство в Тавриде доставил ему Литовский Князь Витовт»*.[93] Может быть, поэтому с самого основания Крымское Ханство выступало ближайшим союзником Великого Княжества Литовского? Но с приходом на крымский трон следующего хана, Менгли Гирея, происходит смена ориентиров, изменение внешнеполитического вектора страны, как сказали бы современные бойкие политологи.

Союз Москвы и Крыма, не все об этом знают. После столетий взаимной вражды и войн такой факт кажется удивительным, хотя в действительности ничего удивительного в этом не было. Северо-восточная, Московская Русь в одиночку вряд ли могла противостоять экспансии Польши и Литвы, находящихся в процессе объединения, шаг за шагом поглощавших соседние русские княжества.

Стоит подчеркнуть, что усиливавшаяся Польско-Литовская уния в тот период выступала союзником другого сильного врага Московии, – стремившейся к возрождению былой монгольской славы Большой (Золотой) Орды хана Ахмата. Союз Литвы и Татар не был чем-то необычным, он, по-видимому, и не прерывался со времени княжения знаменитого князя Витовта (хотя были исключения, например разгром литовцев на реке Ворскле ханом Темир-Кутлуем после неудавшейся попытки литовского князя посадить на золотоордынский трон своего протеже хана Тохтамыша). Вспомним, что писала о взаимоотношениях Витовта и ордынцев литовская летопись:

«…кнзь великии Витовт силныи гсдр и славен по всим землям, и много царей и кнзеи служили у двору его, а интые прыеждчаючы кланялися ему просечы собе в него цара на царство ордынское, он напервеи дал им цара до орды Солтана, и тот Солътан седел на царстве, и

[92] Смирнов. 1887. Стр. 213.

[93] Барбаро. Примечания. Стр. 167.

николи не смел противитися силному господару, и оставившы царство и ехал на иншое местцо царствовати, и кнзи ордынские послы свои посылали до славного господара просечы собе иног цара, и он им дал иного цара Малого Солтана.

И тот Малый Солтан будучы на царстве, не смел ослухатися славного господара где коли велел ему кочевати он там кочевал, и по малом часе тот цар кнзем ордынским не люб был, и они иншого цара собе просили у славного господара Витовта. И он им дал царем Давлебердея, и тот Давлебердей на царстве вмер, а кнзь великии Витовт в тот час был у Киеве и прышли к нему кнзи ордынские послы до Киева з многими дарми и просили собе иного цара, и он им дал цара Махмета…».[94] Вероятно, летописец приукрасил величие литовского «господаря», но по совокупности других исторических фактов связь княжества Литовского и Большой Орды явно существовала.

У крымцев была своя весомая причина для сближения с Москвой. Таврида после смерти хана Ази находилась в состоянии «великой смуты», сыновья покойного – Нордоулат, Айдар и Менгли Гиреи, соперничали друг с другом за крымский трон. Золотоордынский хан Ахмат посадил на этот трон своего протеже, хана Зенебека. Местные татары бунтовали против всех и просились в подданство турецкого султана. Менгли-Гирей также обращался к султану Мухаммеду за помощью для прекращения беспорядков в Крыму и для защиты от сильного давления Большой Орды.[95] Фактически сближение Иоанна III и Менгли-Гирея можно рассматривать как союз лидеров двух бывших провинций великой Монгольской империи в противостоянии новому возрождающемуся имперскому центру – Большой Орде хана Ахмата, поддерживаемого союзниками. Причем результат противостояния этих военно-политических блоков – Золотой Орды и Литвы, против Московии и Крыма по соотношению сил и всей логике событий не должен был сложиться в пользу последних. На фоне такой далеко не радостной для Москвы и Крыма обстановки отношения двух государств переросли рамки обычного военно-политического союза «по расчёту», скорее всего, это было связано с личными качествами их первых лиц. Сохранившаяся в архиве московского посольского приказа переписка великого князя Иоанна III Васильевича и царя Менгли-Гирея отдаёт человеческой теплотой, сейчас бы мы назвали такие отношения «настоящей мужской дружбой», хотя и с определёнными оговорками (меры предосторожности с обеих сторон никто не отменял).

30 апреля 1479 года. В Крым из Москвы экстренно выехал специальный посланник Иоанна III Васильевича – Иван Белаго. На Крымский трон вернулся хан Менгли-Гирей, старинный московский доброжелатель. Вполне вероятно, что Иоанн III принимал участие в его возвращении (московские великие князья, так же, как и великие князья литовские, вопреки сложившимся представлениям, активно участвовали во внутритатарских династических коллизиях). Так или нет, но основными целями поездки Ивана Белаго были сообщения о поддержке и готовности оказания помощи новому крымскому царю, тайно сообщалось о гарантиях личной безопасности. В случае непредвиденного развития событий Москва готова была предоставить Менгли-Гирею политическое убежище.

«А се говорити Иванче царю Менли Гирею, Ази-Гирееву сыну. Князь велики челом бьет. – Князь велики велел тобе говорити:… люди ми твои сказали твое здоровье, что Бог тобя помиловал, на отца твоего месте и на твоем юрте осподарем учинил. И яз, слышев твое здоровье, тому есми обрадовался. – Князь велики велел тобе говорити, чтобы еси пожаловал, не подръжал собе на сердце о том: хотел есми послати своего доброво человека твое здоровье видети с добрыми поминками; ино на Литву проезда нет, а полем пути истомны.

---

[94] ПСРЛ. Т. 17. Список графа Рачинского. Стр. 334–335.

[95] Смирнов. 1887. Стр. 253.

И государь мой послал меня своего паробка здоровия твоего видети. А даст Бог как буду у своего осподаря, и государь мой к тебе пошлет своего доброго человека с добрыми поминки. – Князь велики велел тобе говорити: писал еси ко мне в своих ярлыкех и словом ми говорили твои люди о том, что еси как пожаловал меня, братом и другом собе учинил, и правду мне дал, так и ныне жалуешь, на том стоишь, и вперед хочешь жаловати, братство свое и любовь ко мне и свыше хочешь полнити…

А се говорити Иванче царю наедине. Князь велики велел тобе говорити: писал еси ко мне в ярлыке в своем и словом ми от тобя Сырпяк говорил о том: каково по грехом придет твое неверемя, и мне бы твоя истома подняти. Ино яз добру твоему везде рад, чтобы дал Бог ты здоров был на отца своего месте на своем юрте. А коли по грехом придет каково твое неверемя, и яз истому твою подойму на своей голове».[96]

10 августа 1487 года. Иоанн III Васильевич отправляет в Крым своего посла Беляка Ардашева с хорошими новостями – московские воеводы взяли город – крепость Казань (намного, кстати, раньше, чем повторное и шумно воспетое взятие Казани Иоанном Грозным), и пленили общего недруга Москвы и Крыма, хана Алягама со всей свитой. Иоанн III сообщал Менгли-Гирею, что на Казанский трон посадил его пасынка Махмет-Аминя, который к тому времени уже жил в Москве. Отдельно великий князь послал приятную весть жене крымского хана царице Нур-Султан. Махмет Аминь был её родным сыном.

«А се говорити Белеку, Ардашову сыну, от великого князя Менли-Гирею царю: брат твой князь велики Иван велел челом ударити. Князь велики велел видети твое здоровье. А после тогопоминок подати. А се речь говорити… Князь велики велел тобе сказати: посылал есми на своего недруга на Алягама царя на казанского своих воевод. Милосердый пак Бог как хотел, так учинил: наши воеводы Казань взяли, а нашего недруга Алягама царя поимав и с его братьею и с его матерью и с его царицами и со князми к нам привели; а Магмет-Аминя царя на Казани есмя посадили. И тобе бы то было ведомо…

А се говорити Белеку Нур-Салтан царице, Темиреве дочери: князь велики Иван велел тобе поклонитися. Князь велики велел тобе говорити: твой сын Магмет-Аминь царь к нам приехал; и мы, надеяся на Бога, посылали есмя на своего недруга на Алягама царя своих воевод. Милосердый пак Бог как хотел, так учинил: наши воеводы Казань взяли, а нашего недруга царя Алягама поимав и с его братьею и с его матерью и с его царицами и со князми к нам привели; а твоего сына Магмет-Аминя царя на Казани есмя посадили. А тобе бы то было ведомо».[97]

6 января 1493 года. Крымские послы Мунырь мурза и Оюз дуван, кроме грамот Менгли-Гирея, писем от родовитых крымцев с различными сообщениями и просьбами, привезли в Москву и письмо царицы Нур-Султан к Иоанну III. Царица передаёт поклон своему сыну Махмет-Аминю, сидящему на казанском троне, и сообщает великому князю московскому о том, что отправила к нему своего второго сына – Абдыл-Летифа:

«Нур-султан царицыно слово. Великому князю Ивану, брату моему, ведомо, что Абды-Летифа, на Бога упованье положа, к тебе посылаем ныне. Как будет пригож, ты ведаешь, к брату его к Магмед-Аминю царю прикошуешь, ты ведаешь; или пак у себя ти держати, ты ведаешь. К брату своему к Магмед-Аминю царю будет ти его отпустити, гораздо наказав и научив, отпусти. Да ещо будет ти у себя его уняти, ведомой обычяй его похваляй; а не взведает чего, и ты его поучи и гораздо понакажи, да и поблюсть, ты ведаешь, молод и мал…».[98]

Такое эмоционально насыщенное послание не оставляет сомнений в том, что Иоанн III Васильевич для семейства Менгли-Гирея был близким человеком. А вот другое письмо той же

[96] ПДК. Стр. 15.
[97] ПДК. Стр. 61–62.
[98] ПДК. Стр. 177.

заботливой матери, присланное в октябре 1493 года. «…*Нур-султан царицыно слово. Великому князю Ивану, брату моему, много многопоклон. После поклона, ведомо бы было: Сатику, на Бога надеася да и на тебя, послала есми. Нынечя того молодое дитя или у себя, или к брату пошли. Как тому молодому дитяти упокой учинишь, сам ведаешь; и брат его молод и он молод, те два живучи вместе в любви ли будут, или не в любви, сказыванье наше то стоит, моим тем двема молодым детем пристрой учинил еси; что тебе от нас будет, от Бога бы тебе было. Царь брат твой здоров будет, да и мы здоровы будем, о твоих о добрых делех помощники будем, как сила наша имет…*

Сатика молод, а у него добрых людей нет, а у Багая ума нет. Хотя и к брату отпустишь, или у себя велишь быти, и ты одного доброго человека дядкою учини отца его Ибряимовых слуг и Сатыкиным слугам и людем, кого бы ся им блюсти добро. Чюра толмач гораздо ведает, у Сатики неустроеные робята есть, тех куды будет на дело посылати, и ты их посылай, потому ини ся наставят и умны будут; а в одном месте им лежати, ини дуреют и испортятся».[99]

После страшного пожара 1493 года, уничтожившего большую часть города, Москва нуждалась в восстановлении. Если деревянные строения на Руси возводились быстро и качественно, то попытки каменного строительства силами местных мастеров заканчивались печально. Ещё до пожара, в 1474 году, в центре Москвы рухнул возведённый на месте старого, ветхого внушительный (и очень недешёвый) кирпичный Успенский собор. Причиной обрушения была неопытность его строителей, московских «каменных дел мастеров» Кривцова и Мышкина.

Август 1504 года. Московские послы, отправленные в Милан, возвращались с большой группой итальянских архитекторов, которых великий князь Иоанн III Васильевич ждал с нетерпением. На своём пути они встретили много неожиданных трудностей, отчаявшиеся мастера готовы были повернуть назад. Менгли-Гирей отправляет в Кремль срочное и важное сообщение. Используя своё влияние и возможности, Крымский хан сумел освободить злополучное посольство из-под ареста, наложенного волошским воеводой Стефаном, обеспечить его продовольствием и охраной:

«А се царева грамота. Менли-Гиреево слово. Великому князю Ивану, брату моему, слово то… Нынеча от Стефана воеводы Дмитрей и Митрофан с мастеры фрязскими и с женами и с детми и с девками к нам пришли, надобе было им на харчь денег; и что у нас в руках было денег, и мы то им дали. А нынеча учали прочь наряжатися, а денги им на харчь надобе, и у нас денег не лучилося, и мы в Кафу послав у Хозя и у кафинских денги в рост взяли да им дали, чтобы ся борже дело делало, сего дни бы, завтра, отпустити их…

А ныне с твоим боярином с Олексеем Дмитрея и Митрофана и мастеров и с женами и с детми и с девками часа того отпускаем, так ведай; а с ними посылаем рать свою до Путивля проводити их. А которого еси посла к нам послал, и того, взяв из Путивля, к нам допровадити, и ты бы против их послал свою многую рать да велел их взяти из Путивля, занже тяжелы люди идут, а надобные люди мастеры к тебе брату моему пришедши близко, и они бы ся не оплошили, чтобы лихо никаково незсталося, чтобы не один не изгиб, не плошилися бы.

А числа нет, сколко тем мастером харчю вышло. А ныне восена, августе, увидев сесь месец, даст Бог поедут; а яз посылаю с ними в головах Япанчю царевича, да Алабату улана, да Казимира князя, да Абдулу улана, да ичек своих, да Лагим-бердей дувана, всех их тысячю человек проводити их до Путивля…».[100] В числе «фряжских» мастеров, бережно эскортируемых тысячным татарским конвоем по Муравскому шляху к Путивлю, был и известный архи-

[99] ПДК. Стр. 194.

[100] ПДК. Стр. 515–516.

тектор Алевиз. Многие ли знают, что быстрое восстановление сгоревшей Москвы, строительство кирпичных стен Кремля взамен деревянных, новых церквей, кремлёвских дворцов стало возможным благодаря деятельному участию крымского хана Менгли-Гирея?

Московская Русь строилась и расширялась. Обложенная со всех сторон, Москва тем не менее давала приют всем гонимым. Туда, например, после недолгого правления в Крыму устремился ставленник Золотой Орды хан Джанибек, получив предварительно гарантии князя Иоанна Васильевича. Из послания великого князя Иоанна III Васильевича крымскому хану Джанибеку от 5 сентября 1477 года, доставленного специальным посланником московским татарином Темешем:

«А се говорити Темешу татарину от великого князя Ивана царю Зенебеку. Князь велики Иван челом бьет. Князь велики послал видети твое здоровье… А се речь говорити Темешу царю Зенебеку наедине, где будет пригоже. А Яфар Бердей бы туто был.

Князь велики Иван повестует: прислал еси ко мне своего человека Яфар Бердея. А говорил ми от тобя твой человек Яфар Бердей о том, что по грехом коли придет на тобя истома, и мне бы тобе дати опочив в своей земли. Ино яз и первие того твоего добра сматривал; коли еси был казаком, и ты ко мне такжо приказывал, коли будет конь твой потен, и мне бы тобе в своей земле опочив дати. И яз тобе и тогды опочив в своей земли давал, а и нынеча есми добру твоему рад везде. А каково придет твое дело, а похочешь у меня опочива, и яз тобе опочив в своей земли дам и истому твою подойму».[101]

Приют в Москве в конце концов получили и враги хана Джанибека, братья Менгли-Гирея, Нордоулат и Айдар, первоначально захваченные литовцами и содержавшиеся в Киеве. Произошло это, конечно, не без ходатайства их владетельного брата. Иоанн III Васильевич через своего посланника князя Ивана Ивановича Звенца в апреле 1480 года отправил крымскому хану любопытное послание, сохранившееся в архивах посольского приказа:

«Князь велики велел тобе говорити: нынеча еси ко мне ярлык свой прислал да и с своими послы еси приказал и с моим человеком с Иванчею о своей братье о царех о Нурдовлате да о Айдаре, что недруг твой король взял их к собе и держал их в своей земли на Киеве, а на твое лихо; и мне бы твоего для дела оттоле их к собе взяти. И яз их к собе взял твоего для дела, а держу их у собя и истому своей земле и своим людем чиню тобя деля…».[102] Бывший казак, а потом крымский хан Джанибек, и царевичи, братья Менгли-Гирея, и многие-многие другие нашли в Московском княжестве не просто «опочив», эта земля стала их родиной, родным домом их будущих детей и внуков. Наверное, так же средневековая Голландия перед своим будущим расцветом давала приют изгоям со всей Европы.

Орда Заволжская, орда Казанская, орда Загатайская, орда Перекопская. Окасские или Ногайские татары, сообщает Матвей Меховский, позже других отделились от татар Заволжских *«…и стали жить близ крепости Сарай, приблизительно за семьдесят или немного менее лет до 1517 года, и в короткое время [эта 4-я орда]чрезмерно размножилась до такой степени, что в настоящее время она стала самою многочисленною и большою… Со стороны восточной их владения прилегают к Московии, и они часто вторгаются в ея пределы и грабят её».*[103]

Особое место среди всех татар занимали козаки. Их орду пополняли выходцы из других племён, лица, не признающие норм общежития в своих землях, преступники, укрывающиеся от правосудия, авантюристы, ищущие лёгкой добычи, и просто изгои. В XIX – начале XX века, в эпоху революционного романтизма, российские и даже европейские литераторы и историки видели в таком сообществе высшую форму народоправства, прообраз пролетарской респуб-

[101] ПДК. Стр. 13–14.

[102] ПДК. Стр. 17–18.

[103] Замысловский. Стр. 349.

лики будущего. Сейчас, когда прошло время, стоит признать, что казацкая орда являлась не прообразом будущего, а угасающим отблеском прошлого, осколком древнейшей степной демократии, где атаман избирался на время простым большинством голосов, а все вопросы решались сообща на общей сходке – курултае. Там же, на общей сходке, делилась и награбленная добыча. Профессор Санкт-Петербургского университета Егор Егорович Замысловский, исследуя «Трактат о двух Сарматиях» Матвея Меховского, приводил описание такой орды:

«Пятою ордою считают ту, которая не имеет царя, и её называют Казацкою (Cazacca). По всей вероятности, к этой же орде следует отнести и известие Меховскаго о том, что в Сарматии Европейской, в Аланских степях, прилегающих к р. Дону, бродили Казаки (Kazacii) и жили грабежом».[104]

Далее профессор Замысловский замечает:

«*Известие Меховскаго о Казацкой орде нельзя относить к той Казацкой орде, которая впоследствии называлась Киргиз-Кайсацкою, хотя она и появилась во второй половине XV в. и стала с этого времени быстро усиливаться, так как эта орда была сплоченною, имела своих ханов и кочевала в нынешней области Оренбургских Киргизов…"Киргизския орды, которыя известны также и под именем Казачьей орды, но, по худым делам, называют сами себя Сара-Кайсаками (Степными Казаками) и Киргизами…"*».[105]

Кроме пяти перечисленных Матвеем Меховским татарских орд, он упоминает ещё об одном народе: *«живущем, "как сообщают Русские", близ Каспийскаго моря, на востоке. Эти Татары Волосатые (Criniti) называются своими соотчичами Калмыками (Kalmuchy) и язычниками, так как они не исповедывают магометанской религии. Они не бреют волос на голове, за исключением юношей, которые носят косу, в виде двух дуг, протянутых от праваго уха, а от других от леваго, к плечам, в знак девства»*.[106]

Помимо татар, живущих в степи, были и другие татары, о которых в нашей истории вспоминали не очень часто. Француз ский рыцарь Гилльбер де-Ланноа, военный-авантюрист, путешественник и пилигрим, который в 1413 году отправился в Пруссию для подготовки крестового похода против неверных (к неверным рыцари-крестоносцы причисляли не только литовцев-язычников, но и христиан греческого обряда, и даже польского короля и герцога померанского, которые, по мнению прусских рыцарей, «благоприятствовали сарацинам»),[107] оставил для потомков описание своих странствий по русскому северу и землям восточной Европы. Вот, например, его описание татарских поселений в землях Великого князя Литовского Витовта (по литовски – Výtautas, по польски – Witóld), вблизи города Вильно (нынешний Вильнюс): *«…В упомянутых Троках и вне их во многих селениях находится большое количество татар, которые живут там коленами. Они – настоящие сарацины, не имеют ничего христианского и говорят особенным языком, называющимся татарским (nommee le Tartre)… От Вильны сюда – 7 лье…»*. В другой раз, выполняя роль посла французского и английского королей к тому же князю Витовту – Витольду, Гилльбер де-Ланноа видит его *«вместе с женой и в сопровождении татарского князя, и многих других князей, и княгинь, и рыцарей…»*.[108]

Успешно выполнив поручения двух королей, де-Ланноа удостоился от Витовта больших почестей: *«Этот государь оказал также большие почести мне, отлично угостил меня – дал мне три обеда, на которых посадил меня за своим столом, где сидела княгиня, его жена, и сарацинский князь Татарии, вследствие чегоя видел, что за столом ели мясо и рыбу в пятницу.*

[104] Замысловский. Стр. 349–350.
[105] Замысловский. Стр. 350.
[106] Замысловский. Стр. 350–351.
[107] Ланноа. Стр. 20.
[108] Ланноа. Стр. 37.

Там же был один татарин, имевший длинную бороду, ниже колен, которая покрыта была чехлом».[109]

По пути в Кафу все тот же Гилльбер де-Ланноа едет *«по обширной татарской пустыне»*. Он переправляется через Днестр, затем должен преодолеть большую водную преграду – Днепр: *«…на котором я нашел одного татарского князя, друга и слугу великого князя Витольда, а также большую деревню, населенную татарами, подданными Витольда. Мужчины, женщины и дети не имели домов, а располагались просто на земле. Этот князь, по имени Жамбо (Jambo), предложил мне много рыбы осетрины и дал мне сок из лугового ранункула, чтобы её приготовить, и хорошо угостил меня. Потом он переправил меня, моих людей и мои повозки посредством своих татар на другой берег реки, имевшей лье в ширину, удивительным образом, в маленьких лодках из цельного куска дерева».*[110]

Как видим, в Днепре, так же, как и в реке Дон, в былые времена в больших количествах ловились осетровые. Но отметим другое: какая-то часть татар, жителей южных степей, были подданными князя Витовта, соответственно, по крайней мере часть Дикого Поля и переправ через Днепр были владениями Великого княжества Литовского. Недаром, всё-таки Тевтонский орден объявлял в своё время Литовских князей и Польских королей пособниками сарацинов. Так же как и у Москвы, у Литвы и Польши татары были не только врагами, но и союзниками, и друзьями. Подтверждением этому служат материалы, собранные офицерами российского Генштаба по Виленской губернии:

«…Гедымин, Ольгерд и Витовт боролись с Татарами с переменным счастием… при Витовте слабеющая орда признавала его авторитет и взывала к посредничеству в междоусобных спорах и чуть не сделалась данницею Литовско-Русскаго великокняжества…

Частыя сношения Витовта с татарами поселили между ними полное доверие к великому князю, так, что многие из них добровольно переселялись в Литву… Известно также, что Гедымин умел снискать дружбу Монголов: он никогда не воевал с ними и не платил им дани, напротив, в рядах его войска служили та тары…По всей вероятности, часть Татар, служившая у Гедымина, осталась в его государстве и после войны… Кейстут в 1350 году, в войне с королем Польским Казимиром Великим, имел в своих войсках вспомогательную дружину из татар; а во время похода (Ольгерда в Подолию) против татар, утвердившихся в этой земле, встречаются ополчения из татар, поселенных в Литве, сражавшихся против своих единоплеменников в рядах Литовских.

Но самое значительное переселение татар в Литву произошло в княжение знаменитаго Витовта… Когда грозный Тимур (Тамерлан) пришел в Кипчак в 1391 году, многие из татар были им пленены и убиты; но несколько татарских племен бежало в Польшу (т. е. Литву), где и поселились; так что и ныне находится там шестьдесят селений …По преданиям Литовских татар, выходцев этих было 40 000. Спустя 5 лет побежденный Тамерланом Хан Кипчака, Тахтамыш… прибегнул со своей дружиной к Витовту, который назначил ему местопребывание в г Лиде.

В Азовском походе Витовта, в 1397 году, против Азовской орды участвовали татары из дружины Тахтамыша. В этом походе Витовт захватил в плен несколько тысяч татар, которых часть отправил в Польшу, а других вместе с Кипчакскими татарами, бежавшими от Тамерлана, поселил на берегах р. Ваки, (в 14 верстах от г. Вильно), в уездах Трокском, Ошмянском и Лидском Виленской губерниии в других местах своего государства… им дозволено свободно исповедывать свою религию…

---

[109] Ланноа. Стр. 37–38.

[110] Ланноа. Стр. 42–43.

Не жалея привилегий и прав, Витовт приобрел в Татарах отличных воинов-наездников (уланы)».[111]

Профессор Петербургского университета Василий Дмитриевич Смирнов в своей монографии «Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты» (1887 г.) оценивал численность бойцов, выставляемых общиной литовских татар для армии Витовта в 30 000 человек, *«…когда в 1410 году возгорелась война короля Ягайла с тевтонцами, то в многочисленном войске Витовта находилось 30 000 союзных татар, опять под начальством Джелал-эд-Дина…».*[112]

Как виделись литовские татары глазами мусульманского мира, показывает небольшое сочинение конца XVI столетия, написанное для стамбульских вельмож, а возможно, и самого султана неким литовским татарином, совершавшим хадж в Мекку.

«…Ещё во времена благочестиваго Джаны-бека бывали нашествия татар на Польшу, во время которых несколько отрядов из татарских племен поселились в этом государстве, понемногу начали говорить языком туземцев, жениться на христианках…

Но большая часть… пришли во времена эмира Тимура. Причина была та, что ляхский король просил у того эмира помощи против врагов своих. Эмир отобрал несколько тысяч из своего богатырскаго войска и послал к нему на помощь. После того как они победили врагов ляхских, они по просьбе короля остались в тех пределах, получив разныя милости и благодеяния королевския, а также вотчины, кафтаны и деньги… Имя короля, который был прибежищем и опорою мусульман, Ваттад (т. е. Витовт)…

…Всех татар Литвы и Польши 200 000… они большею частью живут по городам в особых местах, именуемых «татарскими кварталами».[113]

---

[111] «Материалы» 1861. Стр. 298–300.

[112] Смирнов. 1887. Стр. 175.

[113] Смирнов. 1887. Стр. 155–156.

Глава 5
Бесермены

«Как за нашей-то матушкой Волгой рекой стоит море Хвалынское, а на том на море Хвалынском живут все бесермены, а и живут те бесермены не по-нашему, православному, а по своему уму глупому: ни хлеба не пекут, ни в баню не ходят».
Из сказки о славном и сильном витязе Еруслане Лазаревиче[114]

Бесермены – так с гордостью называла себя определённая часть жителей Монгольской империи, раскинувшейся на необъятных пространствах Евразии. Разговорное «бусурманы» ведёт начало оттуда, так обобщённо наши предки стали называть беспокойных кочевников, непрерывно разорявших окраины государства, а потом и всех врагов вообще (это искажённое слово звучит и в других славянских языках). До сих пор по поводу значения слова «бесермен» не утихают учёные споры. Знаменитый российский историк Николай Михайлович Карамзин, ссылаясь на древние русские летописи, считал татар и бесермен разными народами, другие исследователи связывали этот этноним с населением Великой Булгарии, включённом в состав Золотой Орды. В. И. Даль указывал, что на Руси «бусурманами», «басурманами» обобщённо называли нехристиан, «неверных», в частности, мусульман.

Некоторые современные учёные тюркологи связывают слово «бесермен» с исходным именем мисирмен/мисырмин – «я священный» или «священные люди», и предполагают, что так называли себя люди, принявшие ислам.[115] Такая трактовка достаточно правдоподобна. Первоначально в монгольском войске было очень много язычников и даже христиан. Поэтому, естественно, что новообращенный мусульманин выделял себя из общей массы населения. «Татары» же – было общеплеменным названием, у русов это слово означало – *«люди другой страны»*.[116] Примечательно, что в Западной и Центральной Европе вместо названия «татары», звучал этнотермин «тартары», который нес совершенно иную смысловую нагрузку. «Тартар», от тюркоязычного «тар-тар» (узкий-узкий), что характеризовало разрез глаз монголоидной расы.[117] Существовала и другая, мифологическая трактовка этого названия. Средневековые источники считали монголов потомками древних Мидийцев, живших над рекой Тартар. От названия реки и произошло название народа. Кроме того, в умах европейцев существовала аналогия с древнегреческим «Тартаром», преисподней, где находилось царство мёртвых. «Тартары» казались выходцами из этого страшного места.[118]

Столкновение двух миров, леса и степи, череда непрерывных войн, потоков крови, эта традиционная теория знакома и нам, и нашим родителям по школьным советским учебникам истории, которые были неплохо написаны и читались с интересом. Нашествие орды сопровождалось картинами страшного разорения и опустошения Руси, уничтожения многих народов, возникала четкая граница между домонгольским и послемонгольским периодами древнерусского государства, развитие которого было отброшено на несколько столетий назад.

Была и другая, в силу ряда обстоятельств, не очень распространённая теория. Её сторонники считали, что, наряду с жестокостями периода завоевания, татаро-монгольское иго имело

---

[114] Ф. Буслаев. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. Москва. 1861. Стр. 1531.
[115] Дроздов. Стр. 231.
[116] Дроздов. Стр. 231.
[117] Дроздов. Стр. 232.
[118] Боплан. 2004. Комментарии. Стр. 425.

и положительный результат. Благодаря жесткой централизованной власти монгольских Ханов прекратились междоусобицы русских князей, произошло постепенное объединение русских земель. Благодаря веротерпимости монголов сохранилось и даже упрочилось православие. А опасность Руси грозила с Запада, в связи с постоянными проявлениями агрессии католических стран. Эту теорию «Евразийства» представлял в начале XX столетия академик Г. Н. Вернадский и другие. Известный сторонник этой теории Л. Н. Гумилев, издавший много интересных, хотя и критикуемых книг по истории Руси и степных народов, называл отношения Руси и Орды взаимовыгодными или, другими словами, – «симбиозом».[119]

Как бы там ни было, но столкновение этих двух миров, леса и степи, привело к изменению жизни не только завоеванных народов, но и самих завоевателей, части степных племён. Литовские татары из Трок, московские Касимовские татары, многие другие сменили кочевой образ жизни, соединились с оседлыми соседями. Такими же оседлыми постепенно стали и жители Казанского ханства, часть народа кочевой империи, соединившегося с бывшими жителями Великой Булгарии и Великой Унгарии.

Всё же основная масса монголо-татар продолжала оставаться кочевниками, и дело здесь было вовсе не в их отсталости. Кочевой стиль, кроме способа ведения хозяйства, был ещё и жизненной философией. Знакомый нам профессор Матвей Меховский сообщал о кочевых татарах: *«Насмехаясь над христианами, они говорят между собой: "Не сиди на месте, чтобы не быть в грязи, как христианин, и не гадить под себя"»*.[120] Подобную татарскую поговорку приводил в своих записках и Сигизмунд Герберштейн: *«…Иногда, разсердившись на детей и призывая на них тяжкое несчастие, они обычно говорят им: "Чтоб тебе, как христианину, оставаться всегда на одном месте и нюхать собственную вонь"»*.[121]

Движение, постоянное движение, весь домашний уклад кочевника был приспособлен к этому. Сам его дом в зависимости от размера семьи и достатка находился на двухколесной арбе или четырехколёсной повозке. Втулки деревянных колёс этих повозок, сделанные из твёрдой древесины, никогда не смазывались и при движении издавали жуткие скрипящие звуки. Дело не в недостатке смазочного материала, как раз жира в семьях скотоводов хватало. Сами татары объясняли, что мол колёса смазывают только воры, а честному человеку таиться нечего. В литературе часто встречается также мнение исследователей, что скрип огромной массы деревянных повозок, сопровождавших монгольское войско в любых походах, был своеобразным психологическим фактором устрашения. Эти звуки должны были воздействовать на подсознание врага примерно так, как современная полицейская сирена действует на преступника.

Версия о раздирающем душу скрипе сотен и сотен повозок, парализующем врага, впечатляет. Очень вероятно, что такое психотронное оружие являлось реальностью, но «колесному скрипу» есть и совсем простое объяснение. В российском «Справочном энциклопедическом словаре» издания К. Края от 1847 года при описании татарской арбы читаем:

«Татары не употребляют ни поддосок, ни втулок, словом ни крохи железа на оси или в ступице; ось и ступица делаются из крепкаго, твердаго дерева (граб, дуб и кизил); если же ось хотя однажды будет смазана дегтем, то уже непременно загорается впоследствии, но изредка её можно натирать мылом, не опасаясь воспламенения».[122]

Оказывается, однажды смазанную ось необходимо было непрерывно мазать и дальше, иначе происходило возгорание ступиц. А несмазанная втулка могла служить очень долго без всяких проблем (кто бы мог подумать!), но при этом страшно скрипела. Картину движения по

[119] Гумилев. Стр. 602.
[120] Меховский. Стр. 59.
[121] Герберштейн. Стр. 143–144.
[122] Край. Т. 1. Стр. 392.

степи такого кочевого города красочно описал любимый мною со студенческой скамьи поэт Николай Заболоцкий:

Навстречу гостю, в зной и в холод, громадой движущихся тел
Многоколесный ехал город и всеми втулками скрипел.
Когда бы дьяволы играли на скрипках лиственниц и лип,
Они подобной вакханальи сыграть, наверно, не смогли б.

В жужжанье втулок и повозок врывалось ржанье лошадей,
И это тоже был набросок шестой симфонии чертей.
Орда – неважный композитор, но из ордынских партитур
Монгольский выбрал экспедитор C-dur на скрипках бычьих шкур.

Смычком ему был бич отличный, виолончелью бычий бок,
И сам он в позе эксцентричной сидел в повозке, словно бог.
Но богом был он в высшем смысле, в том смысле, видимо, в каком
Скрипач свои выводит мысли смычком, попав на ипподром.

С утра натрескавшись кумыса, он ясно видел все вокруг, —
То из под ног метнётся крыса, то юркнет в норку бурундук,
То стрепет острою стрелою на землю падает, подбит,
И дико движет головою, дополнив общий колорит.
Сегодня возчик, завтра воин, а послезавтра божий дух,
Монгол и вправду был достоин и жить, и пить, и есть за двух.
Сражаться, драться и жениться на двух, на трёх, на четырёх —
Всю жизнь и воин, и возница, а не лентяй и пустобрёх.

Ему нельзя ни выть, ни охать, коль он в гостях у россомах,
Забудет прихоть он и похоть, коль он охотник и галах.

Николай Заболоцкий

Перемещение орды по необъятным степным просторам, не было хаотическим движением повозок, как может подумать кто-то. Такое движение было сродни маршам современных воинских колонн, подчиняющихся строгим правилам и чёткому штабному расписанию. *«Не излишним почитаю заметить здесь, что ещё задолго до прибытия главнаго Татарскаго стана, передовые отряды онаго… шли осьмью отделениями, разведывая по сторонам: не предстоит ли какой опасности»,* – сообщал Иосафат Барбаро.[123]

Уже упоминавшийся Михалон Литвин, пламенный патриот литовского государства, сравнивая литовские и татарские войска отмечал:

«…Эти варвары знают, что нет ничего столь спасительнаго для народов, как храбрость и военная дисциплина и что мужество состоит в твердости, то они презирают изнеженность и удовольствия, ведут жизнь суровую, с детства занимаются верховою ездою, с колыбели возятся на конях… Они до того берегут последних, что даже князья их в земле своей ездят верхом одни, тогда как вне отечества их сопровождает обыкновенно по сотне всадников».[124]

[123] Барбаро. Стр. 30.
[124] Литвин. Стр. 19.

Связь татарского всадника и его лошади была буквально мисти ческой. Конный воин в седле двигался как гимнаст на спортивном снаряде, мог вести огонь из лука на полном скаку и вперёд по ходу движения, и назад, в преследовавших его врагов, и совершать ещё много чего, поражая воображение европейских наблюдателей. Недаром миф о кентавре, рождённый мастерством скифских конников, поддержанный монголом, пройдя через тысячелетия, дожил до наших дней.

Неутомимый наблюдатель, посол императора Фердинанда, Сигизмунд Герберштейн в знаменитой книге «Записки о Московских делах» описал татарские приёмы конной езды:

«При езде они наблюдают такой обычай, что садятся на седло, поджав ноги, чтобы иметь возможность легче повертываться на тот и другой бок; и если случайно что упадет и им нужно будет это поднять с земли, то, опершись на стремена, они поднимают вещь без всякаго труда. К этому они до такой степени приучены, что выполняют это даже при быстром беге лошадей. Если в них пускают копье, то они внезапно опускаются на другой бок для отклонения удара противника и держатся на лошади только одной рукою и ногою».[125] Под стать такому наезднику была и лошадь, которая отзывалась на свист, по команде ложилась и чуть ли не могла двигаться ползком (помните сказку про Сивку-бурку?).

Специальные правила регулировали все стороны военной жизни орды, например вёлся учет убитых в бою врагов. Способ учёта был весьма колоритный, сродни традициям американских индейцев, использовавших в качестве трофеев скальпы убитых. Ордынцы в этих целях использовали отрезанное ухо павшего врага, такую процедуру после одного из сражений в Польше описывает Матвей Меховский: *Одержав величайшую победу над князем Генриком и поляками и собрав добычу, татары у каждого из павших отрезали ухо, чтобы знать число убитых, и наполнили таким образом десять больших мешков*.[126]

Не только степные переходы, но и переправы через реки были организованы очень эффективно. Иосафат Барбаро описал татарскую переправу через реку Дон, которая опять же, больше напоминала современную войсковую операцию, чем действия орды варваров-кочевников:

«Замечательно и удивления достойно, что эта переправа, продолжавшаяся двое суток, совершена была в большом порядке и столь же спокойно, как бы на сухом пути. Несколько человекпосланы были, по распоряжению начальников, вперед для приготовления деревянных плотов из леса, ростущаго в большем количестве по берегам Танаиса. Сверх сего заготовлено было также множество фашинника из хвороста и тростника. Фашинник этот подвязали под плоты и повозки, к которым припрягли нужное число лошадей; потом пустили этих лошадей вплавь по реке под управлением нескольких человек (вовсе нагих) и таким образом перевезли повозки и плоты с одного берега на другой».[127]

Фашины – это связанные охапки хвороста или сухого тростника, обладающие высокой плавучестью. В данном случае фашины поддерживали плоты, придавали им дополнительную устойчивость. Как следует из описания, татарские арбы переправлялись не на плотах, как можно было ожидать, а представляли собой отдельную плавучую единицу, поддерживаемую снизу все теми же фашинами. Особенно интересно, что и плоты, и арбы тянули по реке впряженные в них плывущие лошади. С помощью фашин через реку переправлялись и одиночные

[125] Герберштейн. Стр. 143.
[126] Меховский. Стр. 54.
[127] Барбаро. Стр. 39.

воины во время походов, осуществлялась переправа тюков с амуницией, оружием или даже захваченным во время похода добром.

Отлаженной была не только военная, но и бытовая сторона жизни степных солдат. Как писал Иосафат Барбаро, каждый из них имеет при себе: *«…мешок из козлиной кожи, наполненный пшеничною мукою, замешанною на меду, наподобие теста, и деревянную чашку. Сверх того они стреляют по пути дичь, которой в степях водится множество и которую Татары мастера убивать из своих луков. Тесто, выше мною описанное, размешивают они с небольшим количеством воды и таким образом приготовляют себе похлебку, которою и питаются в пути…*

Кроме вышепомянутых яств Татары питаются ещё в степях кореньями, травами и всем, что только можно употреблять в пищу. Самое необходимое вещество для них есть соль, ибо от недостатка оной зараждаются между ими болезни, как то: опухоль и гниение во рту и кровавый понос, от котораго они нередко и умирают».[128]

Помимо муки, замешанной на меду, в поход бралась молочная продукция домашнего приготовления: *«…они также берут с собой молоко, густое как тесто, и приготовляемое следующим образом: его кипятят и снимают всплывающий наверх жир, который кладут в особую посудину, где из него делают масло; затем молоко ставят на солнце и оно таким образом сохнет. Отправляясь в поход, каждый берет с собой около десяти фунтов этого молока и утром кладут его с полфунта в маленькую, кожаную бутылочку, имеющую вид кишки, и примешивают к нему немного воды. Во время езды верхом молоко взбалтывается и образует род какого-то сока, что и составляет их обед»*.[129]

Основной тягловой силой орды были не лошади, а быки или волы. Они, по наблюдениям Иосафато Барбаро, использовались для перевозки тяжёлого груза, в частности повозок с юртами,[130] поскольку, как писал барон Герберштейн: *«лошадей они употребляют только холощеных, потому что таковыя, по их мнению, более выносливы к труду и голодовке»*.[131] Быки у них, видимо, тоже подвергались обязательной кастрации (вол, кстати это и есть кастрированный в раннем возрасте бык). В результате такой операции животное вырастало более крупным, более сильным и выносливым. И, конечно, волы обладали более спокойным нравом, чем подверженные влиянию половых гормонов быки.

Путешественник, писатель и проповедник, архиепископ Антиварийский, Иоанн де Плано Карпини, написавший известную Историю Монголов, сообщал, что в татарские повозки впрягалось от одного до нескольких быков (волов).[132] Картина, наверное, была очень красочная: впряжённые попарно, ряд за рядом, в тяжёлую повозку с юртой два, четыре, шесть или целая вереница волов, монотонно вздымающих тёплую степную пыль, жаворонки, звенящие высоко в небе, скрип колёс, разносящийся далеко вокруг. Учитывая, что в орде имелась достаточно большая купеческая община, о чём сообщал всё тот же Иосафат Барбаро, вся тяжесть перевозки торгового добра, покупаемых и продаваемых товаров, также ложилась на этих терпеливых, безотказных животных. Вот откуда, видимо, взялись запорожские чумаки на своих волах, впряженных в телеги с солью. При ближайшем рассмотрении предшественниками чумаков, если только не они сами, оказываются татарские купцы.

---

[128] Барбаро. Стр. 17–18.

[129] Марко Поло. Стр. 66.

[130] Барбаро. Стр. 35.

[131] Герберштейн. Стр. 143.

[132] Карпини. 1911. Стр. 7.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.